

№ 48-49

В. СТАНКЕВИЧЪ

РОССIЯ и ГЕРМАНIЯ

РУССКОЕ
…САЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Всеобщая Библіотека

№ 48-49

В. СТАНКЕВИЧЪ

РОССІЯ и ГЕРМАНІЯ

ПРОШЛОЕ
НАСТОЯЩЕЕ
БУДУЩЕЕ

Русское Универсальное Издательство
БЕРЛИНЪ
1922

DRUCK KUMMER & Co., G. M B H.
BERLIN C.2, NEUE PROMENADE 6

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда шесть лѣтъ тому назадъ начиналась великая европейская война, можно было предсказывать ея любой исходъ и результатъ, но только не тотъ, который сложился на самомъ дѣлѣ. Всѣмъ, напримѣръ, казалось, что Россія должна «задохнуться» въ хлѣбѣ, что Германія вѣрными шагами идетъ къ «владычеству» надъ всей Срединной Европой... А между тѣмъ, въ то время, какъ въ другихъ странахъ наиболѣе пострадавшія отъ войны области уже успѣли возстановить свой прежній цвѣтущій видъ, въ то время, какъ самые малые народы пріобрѣтаютъ никогда не бывалыя права и вольности, отвоевывая ихъ даже отъ побѣдителей, въ это время всегда богатая и обильная Россія переживаетъ бѣдствія невиданной нужды и вымиранія, а Германія фактически теряетъ свою государственную независимость!

Но такое состояніе не вѣчно. Вступленіе Россіи въ кругъ европейскихъ державъ уже значительно измѣнило соотношеніе силъ, и вся система дипломатическаго равновѣсія вздрогнула, когда къ ней прикоснулась тяжелая рука русскаго колосса. Вліянія Германіи, несмотря на всѣ ея внѣшнія и вну-

треннія трудности, тоже растутъ и множатся съ каждымъ днемъ. И чего Германія и Россія не могутъ достигнуть порознь, то, несомнѣнно, осуществится солидарными усиліями обѣихъ странъ.

Но всякая работа требуетъ плана и яснаго направленія силъ. Можетъ ли русская и германская общественная мысль похвалиться этимъ? Кромѣ общаго и расплывчатаго убѣжденія: «Россіи придется итти съ Германіей» и неотчетливыхъ разговоровъ: «теперь мы съ русскими друзья», мы не находимъ никакой опредѣленной идеи, даже никакой попытки къ группировкѣ и анализу фактовъ и явленій, и новыя взаимоотношенія складываются въ значительной степени безсознательно, стихійно и наугадъ. А между тѣмъ, взаимообусловленность судебъ Россіи и Германіи глубоко поучительны не только съ точки зрѣнія интересовъ текущаго дня. Исторія Германіи и Россіи за послѣдніе годы съ необычной наглядностью показала, къ чему приводитъ вражда и борьба народовъ, а ближайшему будущему, надо думать, суждено показать другую сторону той же истины: что солидарность и мирное сотрудничество народовъ является наиболѣе полезнымъ, практическимъ и расчетливымъ въ взаимоотношеніяхъ народовъ между собой.

Посильному выявленію этой мысли посвящена настоящая книжка. Но авторъ долженъ оговориться. Все содержаніе книжки, не углубляясь въ анализъ «первичныхъ» фактовъ и явленій, развивается въ плоскости «вторичныхъ» явленій, въ плоскости «надстроекъ» надъ основными, глубочайшими измѣненіями въ экономической и соціальной базѣ современнаго общества. Но этотъ методъ подхода къ современности нельзя назвать незаконнымъ: связь явленій

между собой достаточно вкоренилась въ сознанiи громаднаго большинства, такъ что ее можно свободно не подчеркивать и не называть при каждомъ утвержденiи и словѣ. Естествоиспытатель можетъ говорить о колебанiяхъ магнитной стрѣлки, не доказывая связи этого явленiя съ магнетизмомъ земли. Точно такъ же можно говорить о равенствѣ и мирѣ народовъ, не подчеркивая, что осуществленiе этихъ требованiй связано съ равенствомъ и установленiемъ твердаго мира въ нѣдрахъ каждаго народа.

РОССІЯ.

..... Клубящійся хаосъ противорѣчій, гдѣ пламенное и яркое перемѣшано съ жалкимъ и ничтожнымъ, гдѣ возвышенное и сверхчеловѣческое незамѣтно переходитъ въ примитивное и первобытное, гдѣ широкія равнинныя приволья и лѣсныя чащи откликаются на передовые лозунги европейской культуры шумомъ, напоминающимъ о воинственныхъ кликахъ татарскихъ ордъ, гдѣ книжники и начетчики питаютъ и руководятъ стихійнымъ, варварскимъ и невѣжественнымъ бунтомъ...

Россія встала передъ нами такой новой, загадочной и неожиданной, что все написанное, сказанное и продуманное о ней — кажется не на тему, и всю исторію ея хочется усвоить и понять наново, ибо между «сегодня» и «вчера» легла пропасть, и изслѣдователь съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: является ли сегодняшній день итогомъ или отрицаніемъ вчерашняго дня? А что можно сказать о днѣ завтрашнемъ, если никто не знаетъ, какимъ счетомъ будетъ жить этотъ завтрашній день: отъ призванія варяговъ или отъ татарскаго нашествія, отъ реформъ Петра, или отъ Разина и Пугачева, отъ весны или осени семнадцатаго года, или, быть можетъ, отъ иного, еще не пережитаго или про-

сто не замѣченнаго дня. И какое мѣсто займетъ въ этомъ завтрашнемъ днѣ все то, что мы считали до сихъ поръ существомъ Россіи, и что оказалось такимъ далекимъ и чуждымъ для живыхъ интересовъ и переживаній ея раньше мертвенно забитыхъ, а нынѣ такихъ шумливыхъ и буйныхъ и неожиданно пестрыхъ народныхъ массъ.

Чтобы не потеряться въ чащѣ противорѣчій, начнемъ, напоминая извѣстное, съ несомнѣннаго и неопровержимаго: съ фактовъ и цифръ.

Пространство Россіи до 1914 года было въ 50 разъ болѣе Германіи и въ 70 разъ болѣе Англіи. По своимъ размѣрамъ она, занимая одну шестую часть земной суши, уступала лишь общему пространству британскихъ владѣній. Но зато Россія сложилась однимъ слитнымъ кускомъ, образуя самую великую сухопутную державу, какую только когда-либо видѣлъ нашъ просторный, но пестрый міръ. Россія въ полномъ смыслѣ этого слова была великимъ политическимъ явленіемъ въ современной міровой культурѣ: проложенный ею по своей территоріи сибирскій путь въ два раза сократилъ время путешествія вокругъ земли.

Но зато и разнообразна была Россія! Районы безплодныхъ, вѣчно промерзлыхъ тундръ, съ міровымъ полюсомъ холода, слились въ ней съ знойными странами, покрытыми вѣчно-зеленой, тропической растительностью. Унылыя равнины, широкія степи, темные, неизвѣданные лѣса смежались съ вѣчно-снѣжными горами. Не менѣе разнообразія находимъ въ ея народахъ, и различныя историческія эпохи наложили на нее одновременно свою печать: первобытное земледѣліе Микулы Селяниновича, духъ кочевниковъ Батыя, преданія средневѣковыхъ кре-

стоносцевъ, осколки эллинской культуры, послѣднія искорки древнѣйшихъ азіатскихъ цивилизацій, — все это, частью завоеванное, частью унаслѣдованное, то покоренное, то освобожденное, то просто откопанное изъ — подъ песковъ средней Азіи, сосуществовало въ Россіи наряду съ европейскимъ развитіемъ ея растущихъ городовъ, сосуществовало, часто даже не подозрѣвая другъ о другѣ. — Такъ же разнообразны были хозяйственныя традиціи и навыки. Городская жизнь была по-западному сложной и напряженной. Но крестьянинъ въ сосѣдней деревнѣ еще смутно тосковалъ по «перелогу», жаждалъ дѣвственныхъ просторовъ «Божьей» земли и, духовно не закончивъ еще періода переселеній, тянулся въ даль и въ ширь, но не въ глубь.

*

Чѣмъ связывалась вся эта грандіозная 180-ти милліонная человѣческая громада? И тутъ мы должны съ особой настойчивостью подчеркнуть, что Россія связывалась отнюдь не волей и сознаніемъ ея народовъ, а только исторической инерціей. Для сознательной массовой воли, способной охватить такія громадныя человѣческія массы, Россія съ ея 25 % грамотныхъ была культурно слишкомъ бѣдна. Механизмъ управленія былъ построенъ не на волѣ и мысли населенія, какъ въ странахъ западной культуры, а на началахъ господства и авторитета.

Къ господствующему великорусскому племени это относится не менѣе, чѣмъ къ народамъ и племенамъ, покореннымъ силой оружія. Вѣдь до второй половины прошлаго вѣка Россія сохранила крѣпостное рабство: въ то время, какъ англичанинъ, французъ или нѣмецъ уже добивались всеобщаго избиратель-

наго права, русскаго крестьянина съ его семьей можно было еще продавать. Всего лишь второе поколѣніе громаднаго большинства русскихъ людей воспитано въ ощущеніяхъ личной, и то очень относительной, свободы. Замѣчательно, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи крѣпостное право по ходатайству мѣстнаго дворянства было отмѣнено на 40 лѣтъ раньше: въ самой же Россіи дворянство и власть дотянули съ реформой до порога XX вѣка. Лишь полнымъ отсутствіемъ духовныхъ связей высшихъ слоевъ Россіи съ низами, лишь чрезвычайнымъ отчужденіемъ правящихъ классовъ отъ народа — отчужденіемъ бо́льшимъ, чѣмъ то, которое существовало между остзейскимъ барономъ и забитымъ латышомъ и эстонцемъ — можно объяснить такую отсталость общественнаго строя Россіи.

Отчужденіе, рознь и даже противоположность верховъ и низовъ служитъ объясненіемъ не только запоздалости отмѣны крѣпостного права. Въ прошломъ оно ярко сказалось въ бунтахъ Стеньки Разина и Пугачева — въ событіяхъ, не имѣющихъ аналогіи въ новой исторіи другихъ народовъ. Въ настоящемъ оно привело къ чрезвычайному размаху современныхъ потрясеній. И возможно, что будущему историку Россіи придется именно этотъ фактъ внутренняго неустройства русской жизни выдѣлить особо, имъ освѣщая, объясняя, а подчасъ оправдывая или осуждая важнѣйшія событія русской исторіи.

*

Когда сложилось это противопоставленіе высшихъ классовъ и народа? Съ того ли момента, когда высадились миѳическіе варяги? Или когда московскіе цари уничтожили новгородскую и псковскую воль-

ницы? Или когда земское ополченіе разсѣяло подъ Москвой воровскія шайки, и Уложеніе строжайшаго царя закрѣпило побѣду элементовъ порядка? Или когда Великій Царь далъ рѣзкій поворотъ жизни народа, взваливъ на его плечи чрезвычайное бремя европейскаго великодержавія? Или въ рукахъ безталанныхъ наслѣдниковъ Петра превратилась власть въ безмѣрную тягость для народа?

Внимательный глазъ историка *Ключевскаго*, который только теперь становится понятнымъ, видѣлъ слѣды органическаго неустройства русской жизни далеко. Характеризуя все развитіе Россіи при династіи Романовыхъ, онъ съ заботой обращалъ вниманіе на несоотвѣтствіе народныхъ силъ и выполненныхъ народомъ задачъ въ исторіи:

«Сопоставляя психологію народовъ съ жизнью отдѣльныхъ людей, мы привыкли думать, что по мѣрѣ усиленія массовой, какъ и индивидуальной, дѣятельности и по мѣрѣ расширенія ея поприща въ массахъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, поднимается сознаніе своей силы, а это сознаніе — источникъ политической свободы. Открывающееся въ нашей исторіи вліяніе территоріальнаго расширенія государства на отношеніе государственной власти къ обществу не оправдываетъ этого мнѣнія: у насъ по мѣрѣ расширенія территоріи вмѣстѣ съ ростомъ внѣшней силы народа все болѣе стѣснялась его внутренняя свобода. Напряженіе народной дѣятельности глушило въ народѣ его силы, на расширявшемся завоеваніями поприщѣ увеличивался размахъ власти, но уменьшалась подъемная сила народнаго духа. Внѣшніе успѣхи новой Россіи напоминаютъ полетъ птицы, которую вихрь несетъ и подбрасываетъ не въ мѣру силы ея крыльевъ.»

И, чтобы не было сомнѣній, историкъ еще разъ возвращается къ этой мысли — подводя итогъ пе-

ріоду, традиціонно считающемуся наиболѣе героическимъ въ нашей исторіи, періоду завоевательныхъ войнъ Петра, Ключевскій говоритъ:

> «Упадокъ переутомленныхъ платежныхъ и нравственныхъ силъ народа... едва ли окупился бы, если бы Петръ завоевалъ не только Ингрію съ Ливоніей, но и всю Швецію, даже пять Швецій»...

Словомъ, историкъ видитъ: цѣною своей собственной свободы заплатилъ русскій народъ за покореніе чужихъ странъ.

Ключевскій со своей вдумчивой тревогой не одинокъ. Уже первые русскіе историки, *Щербатовъ* и *Болтинъ,* европейцы по образованію, вольтеріанцы по убѣжденіямъ, писавшіе во время царствованія Екатерины II, не обольщались внѣшнимъ блескомъ и высказывали сожалѣніе по до-петровскому складу русской жизни. Первый независимый русскій публицистъ Радищевъ изобразилъ тяготы русскаго народа настолько ярко, что свободолюбивая Екатерина II хотѣла послать его на плаху. *Пушкинъ* съ заботой говаривалъ, что онъ не увѣренъ, не далъ ли Петръ Великій слишкомъ рѣзкій поворотъ государственной колесницѣ. *Чаадаевъ* чувствовалъ себя смертельно неуютно въ морально нескладномъ строѣ русской жизни. Не случайность поэтому, что Россія, гдѣ противоположность между интересами народа и великодержавной государственностью была неустранимой, дала рядъ писателей, отрицающихъ государственность вообще, и идеологически питала міровой анархизмъ —вспомнимъ *Бакунина* и *Кропоткина.* И что представляетъ собой политическая проповѣдь *Толстого,* если не протестъ противъ государственности, которая все время имъ чувствовалась какъ

гнетъ, неправда, насиліе — чувство, столь далекое и чуждое любому европейцу.

Но, конечно, такое отрицаніе государственности было мыслимо лишь среди меньшинства русскихъ высшихъ образованныхъ классовъ. Большинство же безоговорочно пріяло всю программу петровской государственности, расходясь съ правительствомъ лишь относительно средствъ осуществленія программы. И развѣ могло быть иначе? Вѣдь вся русская культура сложилась на петровской исторической основѣ. Малѣйшее колебаніе этой основы заставляло шататься всю систему русской духовной жизни. И не этимъ ли должно объяснить панику и страхъ *Мережковскаго*, взывавшаго уже послѣ первыхъ раскатовъ русской революціи въ 1905 году къ Европѣ за помощью противъ русской анархіи? И, наконецъ, не естественно ли укладывается въ эту схему знаменитое «SOS» *Андреева*, посылавшаго міру отъ имени старой русской культуры сигналъ гибели въ тотъ моментъ, когда русскій народъ взялъ власть въ свои руки?

*

Былъ ли путь сближенія власти съ народомъ? Во всякомъ случаѣ, путь непосредственныхъ политическихъ реформъ не приводилъ къ примиренію. Тотъ курсъ, который былъ взятъ первой государственной думой, если бы его выдержать послѣдовательно, привелъ бы, какъ мы видимъ теперь, къ анархіи и развалу, неизбѣжнымъ при разгарѣ аграрной революціи въ земледѣльческой странѣ. Несомнѣнно, болѣе здоровой и вѣрной была столыпинская реформа: экономическое переустройство хозяйственнаго быта и просвѣщеніе народа сверху. Но и Столыпинъ могъ справиться только съ частью

проблемы Россіи: онъ могъ, быть можетъ, найти примиреніе русской государственности съ великорусскимъ народомъ, но зато тѣмъ острѣе уже при немъ вставалъ вопросъ объ отношеніи къ другимъ народамъ Россіи.

Въ самой Россіи до послѣдняго времени было какъ-то странно и непривычно слышать, что цѣлыхъ 56 % населенія, т. е. абсолютное большинство Россіи, не принадлежало къ господствующему великорусскому племени. Но это лишь служитъ доказательствомъ, насколько управленіе и населеніе были разобщены, какъ мало воздѣйствія оказывали они другъ на друга. Но въ послѣднее время національная пестрота все сильнѣе начинала сказываться на строѣ русской жизни. Ростъ просвѣщенія, неизбѣжность европеизаціи и демократизаціи Россіи пробуждали народы къ культурой жизни, организовывали, спаивали ихъ и вооружали средствами для борьбы за свои права. Самая бѣшеная, безоглядная руссификація не могла поспѣть за ходомъ національнаго пробужденія народовъ. Къ Польшѣ и Финляндіи уже присоединилась Эстонія, Латвія и Литва, Арменія, Грузія и Украина, вслѣдъ за которыми двигались бѣлоруссы и мусульманскія племена. Вмѣсто единаго строгаго стиля государственнаго обезличиванія — вездѣ обозначилась пестрота, антагонизмы, и шумный прибой смѣшенія одеждъ и лицъ и нарѣчій все ближе подступалъ къ устоямъ государства. Передъ этимъ ростомъ національныхъ домогательствъ Столыпинъ былъ совершенно безпомощенъ. Новаго пути онъ найти не могъ. Вѣдь демократизмъ и парламентаризмъ тоже былъ несовмѣстимъ съ Россіей въ прежнемъ видѣ, и ихъ торжество могло быть куплено лишь цѣною коренного измѣненія всей государственной структуры, измѣ-

ненія гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ казалось многимъ политическимъ дѣятелямъ и наблюдателямъ. На это Столыпинъ не могъ рѣшиться. Поэтому оставалось подновлять и примѣнять старыя средства. И мы видимъ, что походъ въ началѣ XIX вѣка, отнявшій Финляндію у Швеціи, повторился въ началѣ XX вѣка для того, чтобы отнять ее уже у финновъ; борьба съ польской шляхтой, закончившаяся въ XVIII вѣкѣ, возобновилась черезъ сто лѣтъ въ видѣ борьбы уже съ проснувшимся польскимъ народомъ; запрещеніе украинской рѣчи, которымъ Петръ боролся съ сепаратизмомъ казачьей знати, при Столыпинѣ было направлено противъ украинской нарождающейся демократіи.

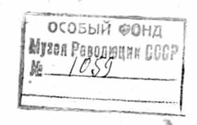
*

Безполезно гадать, что случилось бы дальше: долго ли могъ продолжаться богатырскій ростъ въ старыхъ формахъ, найдены ли были бы новыя формы, или наступилъ бы самъ собой трагическій кризисъ? Теперь мы стоимъ передъ совершившимся фактомъ: отъ давленія извнѣ, отъ чудовищнаго военнаго напряженія получился взрывъ.

Но это не только развалъ и распадъ. Тутъ имѣется творчество и рожденіе. Народы Россіи, а въ первую очередь великій русскій народъ, стали править и володѣть сами собой. Варяги прогнаны, и въ этомъ отношеніи русскій народъ, сбрасывая съ себя тяжесть насильственнаго великодержавія, также освободился, какъ и всѣ иные народы Россіи. И словно для того, чтобы признакъ языка не мѣшалъ ясности картины, чтобы «варяги», которые теперь считаютъ себя въ правѣ присваивать названіе «русскихъ патріотовъ» и «русскихъ государственныхъ

дѣятелей», не могли изъ всѣхъ концовъ Россіи собраться въ одной Великороссіи, русскій народъ дѣйствуетъ такъ, что русскій бюрократъ, и помѣщикъ, и государственникъ-интеллигентъ до послѣдняго времени чувствовали себя уютнѣе за границей и даже на окраинахъ Россіи, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Какъ финны, эсты, литовцы и латыши, такъ и сами великороссы завоевали свои области въ центрѣ Россіи. На всемъ протяженіи прежняго государства дѣйствуютъ нынѣ новые субъекты исторіи.

Это явленіе новыхъ историческихъ лицъ — величайшее событіе для всей Европы, въ сравненіи съ которымъ ничтоженъ вопросъ, какой періодъ русской революціи является кульминаціоннымъ, когда былъ достигнутъ зенитъ побѣды, и когда начался періодъ ненужныхъ эксцессовъ и разгула. Быть можетъ, даже старыя формы еще не окончательно умерли и еще оживутъ. Но это будетъ только внѣшность. Старая Россія уже не оживетъ! Въ Россіи болѣе немыслима власть, которая могла бы править противъ народа. Если при прежнемъ строѣ и укладѣ всей русской жизни самое народное по формѣ правительство могло быть по существу антинароднымъ, то теперь самое антинародное по формѣ правительство вынуждено будетъ по существу осуществлять народную программу. Петровскій періодъ русской исторіи невозвратно кончился. Какъ внѣшнее выраженіе его, Петербургъ — построенный на костяхъ народа на отлетѣ отъ Россіи, искусственно питаемый бюрократіей и не имѣющій иной цѣли, какъ обслуживать россійское великодержавіе — безнадежно мертвъ. Древняя Москва, Харьковъ, Кіевъ, даже, быть можетъ, провинціальный Екатеринбургъ скоро затмятъ его.

ГЕРМАНІЯ.

Если нарочно придумывать страну полярно-противоположную безбрежной, контрастной, разноязычной, хаотической, политически отсталой и государственно-неустойчивой Россіи, то мы получимъ — Германію.

Россія привольно растекалась по двумъ континентамъ. Германскому же народу приходилось разселяться подъ громаднымъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ — ея государственная граница, искривленная, выгнутая, исковерканная, наглядно показываетъ это. Германія однообразна и въ значительной своей части бѣдна: взгляните на Бранденбургъ, эту колыбель германскаго государства, — просто непонятно, какимъ образомъ этотъ каменный городокъ могъ возникнуть среди ровныхъ, плоскихъ песчаныхъ полей и болотъ.

Природа, пространство, разнообразіе не подавляли, не баловали и не отвлекали нѣмца отъ заботъ повседневнаго труда. Безконечный просторъ морей не манилъ его вдаль. Онъ не воевалъ съ природой, но онъ не могъ также безъ труда наслаждаться ею, а вынужденъ былъ упорно работать для того, чтобы получить необходимый кровъ и пищу: спокойнымъ, упорнымъ, систематическимъ и цѣпкимъ трудомъ

приходилось нѣмцу покупать средства къ жизни. И тѣ же пріемы, которыми поколѣнія нѣмецкихъ хозяевъ превратили болота и пески Бранденбурга въ способную урожайную пашню, дающую больше, чѣмъ русскій черноземъ, легли въ основу всего современнаго творчества Германіи. Принципіально новое, ломающее традиціи, нарушающее установившіеся взгляды, не по душѣ германскому хозяину, промышленнику или ученому. Но зато накапливаніе свѣдѣній, ихъ систематизація, изслѣдованіе мелочей и деталей — вотъ область, гдѣ нѣмцу нѣтъ равныхъ. И это во всѣхъ отрасляхъ. Въ химіи нѣмцамъ съ руки всесторонне прослѣдить и распутать прихотливые клубки бензоловыхъ сочетаній и тѣмъ покорить капризный міръ искусственныхъ красокъ. Но радій, величайшее достиженіе новой химіи, былъ открытъ во Франціи изъ отбросовъ нѣмецкихъ химическихъ заводовъ. Германскіе ученые для подготовки новаго уголовнаго кодекса издали грандіозный и единственный по своей полнотѣ трудъ, сводящій воедино всѣ свѣдѣнія по уголовному законодательству всего міра; но новые институты уголовнаго права — всѣ до единаго — созданы внѣ Германіи, главнымъ образомъ въ англо-саксонскихъ странахъ. Никто такъ упорно, какъ нѣмцы, не разрабатывалъ принципа планера, но первый аэропланъ поднялся въ Америкѣ и во Франціи, какъ разъ въ то время, какъ въ Германіи графъ Цеппелинъ довелъ до высшаго совершенства принципъ — тоже открытый во Франціи — управляемыхъ аэростатовъ. Словомъ, не открытіе, не изобрѣтеніе, а усовершенствованіе, улучшеніе, комбинація уже открытаго. То-есть та методичность, отсутствіе которой такъ бросается въ глаза при наблюденіи надъ русской жизнью.

Политика Германіи наименѣе совершеннолѣтняя, или, если угодно, самая молодая, а поэтому полна силъ и темперамента. Ея политическая исторія не знала періода ожесточенныхъ гоненій на мѣстные партикуляризмы со стороны суровой, обезличивающей центральной власти. Ея государственная жизнь въ современномъ смыслѣ слова началась лишь полъ вѣка тому назадъ. До тѣхъ поръ Германія представляла, по выраженію Пуффендорфа, „monstrum politicum", цѣлый муравейникъ крохотныхъ автономныхъ государствъ, созданныхъ еще на исходѣ тридцатилѣтней войны. Вѣдь трудно вѣрится, что въ то время, какъ Россія, Англія, Франція давно уже сложились въ единое государственное цѣлое, Германія представляла собой пеструю картину удѣльныхъ междоусобій; что еще въ серединѣ XIX вѣка Баварія, Баденъ, Вюртембергъ, Саксонія, Ганноверъ и др. германскія страны интриговали и вооружались всѣ вмѣстѣ противъ Пруссіи и Австріи, не могущихъ подѣлить германской гегемоніи, а каждая порознь — другъ противъ друга; что еще во второй половинѣ XIX вѣка правительство въ Берлинѣ брало военную контрибуцію и анексировало въ результатѣ военной побѣды земли Баваріи и Нассау; что многочисленные памятники, красующіеся до сихъ поръ въ столицѣ Германіи, знаменуютъ собой не что иное, какъ блестящія побѣды нѣмцевъ надъ нѣмцами же! Даже новыя демократическія идеи вначалѣ чрезвычайно пестро отразились въ жизни Германіи, и еще въ эпоху Sturm und Drang'a Гессенъ-Дармштадтскій и Шаумбургъ-Липпе соперничали съ Гильдбурггаузеномъ и Гессеномъ Нассаускимъ сложностью и запутанностью своихъ конституцій. Нѣмцы единственный въ мірѣ народъ, который за свое и такъ уже запоздалое объединеніе вынужденъ

былъ, исключительно по внутреннимъ причинамъ, заплатить цѣною своего раскола и разъединенія: объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи могло состояться лишь благодаря полному исключенію изъ германской государственной системы 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ!

Въ Россіи мы констатировали недостатокъ государственности: государственныхъ идей и людей власти не хватало на одинъ государственный механизмъ. Въ Германіи же была, несомнѣнно, гипертрофія государственныхъ инстинктовъ и навыковъ, не вмѣщавшихся въ единый государственный механизмъ. Вѣдь даже въ объединенной Германіи, наряду съ пылкимъ расцвѣтомъ общегерманскихъ политическихъ чувствъ и идей, находили себѣ мѣсто неувядаемые и несдающіеся мѣстные патріотизмы и даже антагонизмы.

О насыщенности германской жизни инстинктами государственности можно судить по тому, что въ то время, какъ русскій радикализмъ легче всего укладывался въ рамки принципіальнаго отрицанія всякой государственности и поставлялъ представителей международнаго анархизма, лѣвыя теченія въ Германіи отлились въ соціалъ-демократическую партію государственниковъ par exellence, ставящихъ своей задачей отнюдь не расшатываніе государственной власти, но, наоборотъ, расширеніе ея функцій до безконечности, бюрократизацію — хотя и въ лучшемъ смыслѣ этого слова — всего колоссальнаго производственно-хозяйственнаго аппарата.

*

Нѣмецкая сила отчетливо проявилась и во время войны. Для русскаго народа война была

насиліемъ, гнетомъ, который при первой возможности былъ свергнутъ стихійнымъ движеніемъ. Для германскаго же народа война явилась труднымъ, опаснымъ, рискованнымъ, но все же соотвѣтствующимъ его природѣ подвигомъ. Въ войнѣ германскій народъ былъ въ своей стихіи. Теперь за конечнымъ итогомъ пораженія Германіи часто забываютъ, что въ чисто военномъ смыслѣ Германія, конечно, была побѣдительницей. И если исторія военнаго искусства еще не потеряетъ смысла, то новые величайшіе образцы военныхъ подвиговъ и побѣдъ вписаны туда нѣмецкими полководцами, или, вѣрнѣе, нѣмецкимъ народомъ. Взятіе Ліежа, Танненбергъ, Дунаецъ, позиціонная война во Франціи, подводная война, война въ воздухѣ — всюду печать почти непреодолимой мощи. Ничего подобнаго не было ни на одной изъ противныхъ сторонъ. Съ точки зрѣнія числа и силы война была проиграна для Германіи съ первыхъ мѣсяцевъ войны — какъ только не удался дерзкій походъ на Парижъ. Но надо быть слѣпому и глухому, чтобы не видѣть той чудовищной силы, которая была проявлена Германіей въ этой, казалось бы, безнадежной борьбѣ. Въ теченіе 4 лѣтъ Германія спорила съ этой безнадежностью, все время борясь на чужихъ территоріяхъ, не только парируя удары противника, но нанося сама удары во всѣ стороны. И къ исходу четвертаго года отчаянно изнурительной борьбы она имѣла передъ собой разрушенный восточный фронтъ и прорванный фронтъ западный. И все это держалось не на матеріи, а на духѣ. И поэтому, быть можетъ, правъ былъ Людендорфъ, который утверждалъ, что не только американскіе танки, подавлявшіе матерію, но и дыханіе русской революціи, сокрушившее духъ, сломило Германію.

Но все же самое поразительное въ исторіи Германіи не ея мирные успѣхи, не ея военныя побѣды, а ея политическая устойчивость, которая проявилась въ дни пораженія и смуты. Механизмъ, работавшій съ чудовищнымъ перенапряженіемъ, сломился. Отъ полной увѣренности въ побѣдѣ (лѣто 1918 г.) до полнаго уничтоженія военной силы (осень 1918 г.), отъ полной организованности — въ состояніе полнаго безвластія, отъ обладанія чрезвычайно обширными территоріями — къ необходимости сжаться до предѣловъ меньшихъ, чѣмъ до войны, и все это совмѣстно съ проведеніемъ демобилизаціи, на фонѣ полнаго истощенія всѣхъ матеріальныхъ рессурсовъ, при отчаянной пропагандѣ коммунистовъ и попыткахъ вооруженныхъ возстаній въ Килѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ, Баваріи, Саксоніи. Анархія при такихъ условіяхъ казалась неустранимой... И, тѣмъ не менѣе, черезъ годъ Германія уже была на твердомъ пути, черезъ два года ея организованность даетъ ей уже возможность пробовать тактику пассивнаго сопротивленія по отношенію къ побѣдителямъ. Прочтите мрачныя предсказанія Гувера о судьбѣ центральной Европы въ ближайшій годъ послѣ перемирія... Гуверъ по-своему былъ правъ, и если его мрачныя предсказанія не оправдались, то въ значительной степени лишь потому, что Германія въ первый годъ мира совершила новый ошеломительный подвигъ: сумѣла сохранить свою организованность и устойчивость. Революція въ Россіи обнаружила чрезвычайную слабость организаціи. Революція въ Германіи наткнулась на чрезвычайную стойкость и силу.

*

Кто теперь правитъ Германіей?

Много отвѣтовъ приходится слышать на этотъ вопросъ. Недалекіе люди все еще лепечутъ банальныя слова относительно агентовъ Вильгельма и киваютъ на прусскихъ юнкеровъ. Лица, падкія на сенсаціи, увѣряютъ, что всѣ аттрибуты подлинной власти находятся въ рукахъ Стинеса. Кое-кто глубокомысленно доказываетъ, что Германіей правитъ товарищъ Шейдеманъ. Мизантропы сумрачно утверждаютъ, что доподлинно извѣстно, что всѣ пружины и нити въ рукахъ оставшихся друзей Эрцбергера. Но тотъ, кто свободенъ отъ задачъ полемики и имѣетъ возможность безпристрастно и безстрастно присматриваться къ еще не наладившемуся аппарату германскаго парламентаризма, къ жизни партій, еще не приспособившихъ свои механизмы подъ штабы людей дѣйствительной, реальной власти, кто улавливалъ перекаты и переливы стихійныхъ коллективныхъ настроеній, то повышающихъ, то понижающихъ тонъ германской общественной жизни, кто присматривался къ рядовымъ нѣмцамъ за работой, тотъ знаетъ, что не въ рукахъ того или иного человѣка, группы или класса находится власть: самъ народъ правитъ собой.

И въ этомъ мы находимъ аналогію Россіи. Средостѣніе, раздѣлявшее русскій и нѣмецкій народы, пало. Теперь не придворные круги, не бюрократія, не профессіональные дипломаты опредѣляютъ интересы обѣихъ странъ. Германскій и русскій народы, впервые за всю исторію, встали другъ противъ друга лицомъ къ лицу.

ПРОШЛЫЯ РАСПРИ.

Германія и Россія — враги. Это мы слышали часто до войны, объ этомъ твердили и этому вѣрили всѣ во время войны. И эти настроенія еще далеко не изжиты даже теперь, когда обѣ государственныя системы, ослабленныя взаимной борьбой, рухнули въ изнеможеніи: настороживщаяся подозрительность чувствуется часто въ полусловахъ, въ недомолвкахъ, даже въ молчаніи.

Гдѣ источники этой подозрительности и недружелюбія? Гдѣ корни антагонизма? Въ чемъ именно заключается противоположность интересовъ? Въ поискахъ за отвѣтами отправимся по слѣдамъ идеологовъ и проповѣдниковъ войны сперва со стороны Россіи, потомъ со стороны Германіи. Предупреждаемъ читателей, уже морщащихся отъ не особенно модной и пріятной темы, что намъ придется начать издалека и въ дальнѣйшемъ продѣлать не одинъ обходный крюкъ... Что же дѣлать, мысль проповѣдниковъ «войны до побѣды» на обоихъ фронтахъ развивалась тоже не всегда прямолинейно, и намъ придется, волей-неволей, поблуждать вслѣдъ за ея прихотливыми извивами и зигзагами.

*

При анализѣ идеологіи войны безпристрастный наблюдатель не можетъ не видѣть, что Россія, по положенію своему наименѣе нуждающаяся въ завоеваніяхъ, имѣла наиболѣе отчетливую и сугубо подчеркнутую завоевательную программу. Одна лишь Россія, отступая отъ «оборонительной» словесности, офиціально рѣшилась признать своей задачей захватъ въ свою пользу инородной по національности территоріи съ иноземной столицей чужого государства, настойчиво и упорно требуя себѣ Константинополь. Объ этомъ нужно всегда помнить тѣмъ, кто до сихъ поръ любитъ говаривать о чисто оборонительныхъ задачахъ русской войны.

Вопросъ о Константинополѣ, несомнѣнно, въ достаточной степени больной, и мотивы, вызывающіе стремленіе къ нему, далеко не всегда такіе, чтобы считались съ доводами логики и разсудка.

Прежде всего, не въ экономическихъ интересахъ, не въ необходимости свободы торговыхъ сношеній Россіи и обезпеченія путей для $3/4$ вывозимаго хлѣба нужно искать побужденій, заставлявшихъ русскихъ политиковъ добиваться Царьграда. Такія соображенія могли имѣть мѣсто при Петрѣ Великомъ, когда на требованіе его пословъ допустить плаваніе русскихъ судовъ по Черному и Азовскому морямъ, турками давался неизмѣнный отвѣтъ: «имѣетъ государство оттоманское тѣ моря яко чистую и непорочную дѣвицу и не токмо имѣть на нихъ кому плаваніе, но и прикоснуться никого никогда не допустить». Но со времени Кучукъ-Канарджійскаго (1774 г.) и, во всякомъ случаѣ, съ Адріанопольскаго (1829 г.) мира и проливы и моря для русской торговли всегда открыты. Обладаніе проливами не принесетъ поэтому Россіи ничего принципіально новаго. И, главное, обладаніе Босфоромъ

и Дарданелами вообще не рѣшаетъ вопроса... За Дарданелами имѣется Эгейское море, на которомъ нѣсколько сотенъ разставленныхъ минъ опять запирали бы выходъ не хуже, чѣмъ Босфорскія укрѣпленія. Значитъ, нуженъ былъ бы еще могущественный черноморскій и средиземный флотъ. Кромѣ того, проливы ведутъ въ закрытое со всѣхъ сторонъ Средиземное море, и дальше съ той же остротой вставалъ бы вопросъ о выходахъ изъ него. Значитъ, Суэцъ и Гибралтаръ?

Точно такъ же и стратегическіе вопросы казались простыми и убѣдительными только для дилетантовъ умилявшихся при мысли о выгодахъ вмѣсто 2.500-верстной границы имѣть оборону юга Россіи сосредоточенной въ одной географической точкѣ. Но серьезные изслѣдователи этой стороны дѣла неминуемо приходили къ мысли, что обладаніе Константинополемъ будетъ не облегченіемъ, а, наоборотъ, чрезвычайнымъ осложненіемъ военныхъ задачъ Россіи. Это заставило уже государственныхъ дѣятелей Николая І-го притти къ осторожному выводу, что лучше, если Константинополь останется въ турецкихъ рукахъ. Этими соображеніями руководствовался и Куропаткинъ, настойчиво рекомендовавшій выжидательное отношеніе со стороны Россіи. Но еще убѣдительнѣе получалось въ тѣхъ случаяхъ, когда сторонники «стратегическихъ» соображеній не проявили ни осторожности, ни заботливости, а разрубали вопросъ сплеча. Развѣ не краснорѣчивы, напримѣръ, разсужденія г. Арктура, указывавшаго, что овладѣніе однимъ Константинополемъ не рѣшаетъ вопроса, ибо даетъ Россіи удаленную заморскую колонію. Для обезпеченія обладанія Константинополемъ — необходимъ сухой путь, который удобнѣе всего можетъ быть проложенъ че-

резъ Малую Азію: для этого нужно овладѣть лишь всей Арменіей, Курдистаномъ и сѣверной Анатоліей. Впрочемъ, такъ какъ обладаніе лишь сѣверной частью Анатоліи имѣетъ свои стратегическія неудобства, то лучше всего, по мнѣнію названнаго публициста, овладѣть ею цѣликомъ... Какъ видимъ, стратегическія соображенія, которыми требовалось, чтобы существующая длинная граница была замѣнена одной точкой, съ тѣмъ же удобствомъ заблаговременно подготавливали мысль, что для обладанія этой одной точкой ее необходимо будетъ растянуть въ новую сложную, извилистую, богатую уязвимыми пунктами чужеземную сухопутную и морскую границу!

Конечно, такими доводами нельзя было бы подвинуть общественное мнѣніе далеко. Во всякомъ случаѣ, не дальше, чѣмъ доводами о необходимости овладѣнія Даніей и Швеціей для обезпеченія выхода изъ Балтійскаго моря. Но надо знать, что центръ тяжести лежитъ въ мотивахъ совершенно иного рода. Еще при Иванѣ III подъ вліяніемъ греческихъ надеждъ на помощь Россіи и молодого русскаго націонализма выросло преданіе о завѣщаніи императора Константина и предсказаніе, что Москвѣ быть третьимъ Римомъ, «а четвертому уже не бывать». На эту смутную, придворно-льстивую идею въ теченіе вѣковъ пластами налагалась идеологія послѣдовательныхъ, длительныхъ и тяжкихъ войнъ съ турками. Мысль о Константинополѣ становилась все многограннѣе и спутаннѣе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякая привычка, ирраціональнѣе, отстаиваясь въ крѣпчайшій духовный напитокъ для воодушевленія русскихъ умовъ, не особенно охочихъ до передрягъ иностранной политики. Затухая въ дни мира, идея эта съ неожиданной яркостью вспы-

хивала каждый разъ въ минуту войны, являя собой сложный клубокъ старыхъ и новыхъ, свѣтскихъ и религіозныхъ, земныхъ и мистическихъ мыслей и настроеній. Чтобы судить объ этомъ странномъ духовномъ явленіи — необходимо прочесть страницы Достоевскаго, написанныя во время послѣдней войны съ Турціей. На этихъ страницахъ пестрая груда соображеній о необходимости для Россіи на время забыть Петербургъ и побывать на Востокѣ, выпадовъ противъ соціализма, пренебрежительныхъ отзывовъ о грекахъ и славянахъ, заботъ о томъ, чтобы Константинополь не сдѣлался добычей «жидовъ и спекулянтовъ» — сводилась къ одному: захватъ Константинополя, постройка укрѣпленій у Босфора и содержаніе тамъ русскаго флота и арміи необходимы... во имя исторической миссіи Россіи возстановить утраченный католичествомъ образъ Христа.

Какъ ни парадоксально-кощунственно подобное привлеченіе небеснаго на службу грубо-земному, настроенія подобнаго рода не остались за порогомъ XX вѣка и не изжиты еще до сихъ поръ. Съ озадачивающей яркостью сказалось это во время послѣдней войны. Вотъ образчикъ писаній на эту тему новѣйшихъ публицистовъ:

«Храмъ святой Софіи выражаетъ для Россіи тотъ смыслъ ея народной жизни, безъ коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существованіе нашего народа не можетъ имѣть ни малѣйшей цѣны, — то, ради чего стоитъ жить Россіи, то, что составляетъ единственно возможное оправданіе ея существованія, и то, во имя чего она ведетъ теперь борьбу не на жизнь, а на смерть противъ соединенныхъ силъ германо-австрійскаго запада и турецкаго востока. Всѣ вопросы русской жизни, поднятые настоящей войной, такъ или иначе завершаются

этимъ однимъ центральнымъ вопросомъ, — удастся ли Россіи возстановить поруганный храмъ и вновь явить міру погашенный турками свѣточъ». *)

Такими словами писалъ вліятельнѣйшій и серьезный публицистъ Е. Трубецкой, дававшій тонъ широкимъ кругамъ русскаго общества. Правда, Е. Трубецкой далѣе указывалъ, что рѣчь идетъ не только о физическомъ завоеваніи и реставраціи, что нужно еще духовное возрожденіе народа, что Россія можетъ притти въ Константинополь только во главѣ всемірнаго освободительнаго движенія народовъ. Но практическая цѣнность этихъ оговорокъ ясна изъ того, что двусмысленное обращеніе вел. кн. Николая Николаевича къ порабощеннымъ и не освобожденнымъ полякамъ служило для автора достаточнымъ признакомъ, что Россія уже достойна протянуть руку за Константинополемъ.

Развѣ можно послѣ этого удивляться, что сосѣди съ опаской озирались на Россію и съ тревогой спрашивали себя: кто является дѣйствительнымъ духовнымъ выразителемъ сѣвернаго сфинкса — геніальный непротивленецъ Толстой или безталанные, но упорные русскіе дипломаты и русскій генералитетъ? И яркіе, общечеловѣческіе образы Сони Мармеладовой и Алеши Карамазова не вылились ли изъ подъ пера Достоевскаго лишь какъ прелюдія къ его статьямъ въ «Гражданинѣ»?

Стремленіе къ Константинополю, несмотря на свои явныя черты маниловщины, во многомъ опредѣляли отношеніе русскихъ круговъ къ другимъ державамъ, создавая все болѣе отчетливое убѣжденіе въ противоположности Россіи и Европы. Ко-

*) Кн. *Е. Н. Трубецкой.* Національный вопросъ, Константинополь и св. Софія. 1916 г. Стр. 5.

нечно, отъ Европы трудно было ожидать не только сочувственнаго отношенія къ подобнымъ стремленіямъ русскаго общества, но даже отказа отъ самаго энергичнаго сопротивленія русскимъ захватнымъ планамъ. Въ Россіи же это воспринимали какъ противорѣчіе Россіи и Европы, мысль, которая находила такую благодарную пищу въ воспоминаніяхъ Крымской войны и Берлинскаго Конгресса. Однако, смотря по конкретной обстановкѣ текущаго политическаго дня, ощущеніе противоположности концентрировалось то на одной, то на другой державѣ или комбинаціи державъ, чаще всего на Австріи и Англіи. Въ послѣднее же время, особенно съ момента оживленнаго интереса нѣмецкой политики къ турецкимъ дѣламъ — на Германіи. Сила подобныхъ настроеній была такъ неотразима, что захватывала людей далекихъ отъ воинственной публицистики и профессіональной политики. Такъ, напримѣръ, для самихъ русскихъ было неожиданностью въ іюнѣ 1914 года, т. е. буквально наканунѣ войны, найти въ нѣмецкомъ журналѣ «Preussische Jahrbücher» статью мало извѣстнаго проф. Митрофанова, излагавшаго русскую «точку зрѣнія» на ближне-восточный вопросъ; въ статьѣ этой находимъ, между прочимъ, такую простодушно-откровенную формулировку:

«Стремленіе Россіи къ югу (къ Константинополю) является исторической, политической и экономической необходимостью, и чужое государство, которое ставитъ препятствія этому стремленію, является тѣмъ самымъ враждебнымъ государствомъ».

Яснѣе говорилъ только Паскевичъ, утверждавшій, что путь къ Константинополю лежитъ черезъ Вѣну, или Скобелевъ, находившій, что этотъ путь идетъ черезъ Бранденбургскія ворота. Если прибавить

опасенія русскихъ политиковъ передъ нѣмецкимъ Drang nach Osten, тревогу, что Германія захватитъ Константинополь раньше, чѣмъ Россія, что она уже фактически хозяйничаетъ на Босфорѣ, что Турція уже превратилась въ швейцара Германіи, — то мы получимъ замкнутое кольцо политической діалектики:

Съ Германіей нужно воевать, такъ какъ Россіи нужно отнять у Турціи Константинополь.

Съ Турціей нужно воевать, такъ какъ она является агентомъ Германіи.

*

Цареградскій вопросъ лишь характеризуетъ и до извѣстной степени направляетъ, но отнюдь не исчерпываетъ такъ называемаго ближневосточнаго вопроса, съ которымъ, быть можетъ, не безъ основанія, склонны связывать причины великой войны: Россія, вернувшаяся въ Европу послѣ разгрома на Дальнемъ Востокѣ, нашла на Ближнемъ Востокѣ напряженное и все возрастающее давленіе со стороны Германіи, что и привело къ столкновенію.

Ближневосточный вопросъ имѣетъ свою исторію и свою теорію. Исторія заключается въ той, несомнѣнно, высокой культурной роли, которую Россія сыграла своими освободительными войнами. Пусть Россія освобождала не безкорыстно, пусть войны принесли ей свои выгоды, все же новая историческая жизнь балканскихъ народовъ начинается отъ тѣхъ жертвъ, которыя русскій народъ принесъ для нихъ, отъ той свободы, которая добыта упорной борьбой Россіи съ Турціей. Но, признавая положительную роль въ XVIII и XIX вѣкахъ, мы не должны забы-

вать, что въ XX вѣкѣ освободительныхъ задачъ Россія уже не имѣла. Революція въ Турціи открывала передъ христіанами — турецкими подданными новыя перспективы мирнаго развитія въ предѣлахъ самой Турціи. Послѣдняя же балканская война показала, что, въ крайнемъ случаѣ, славянскіе народы сами могутъ справиться со своимъ историческимъ противникомъ.

Та же балканская война служила иллюстраціей весьма ограниченнаго значенія теоріи восточнаго вопроса, имѣвшей своимъ высшимъ выраженіемъ прежнее славянофильство. Солидарность славянъ оказалась недостаточной, чтобы удержать ихъ отъ борьбы другъ съ другомъ изъ-за шкуры еще не добитаго медвѣдя, и славяне-сербы въ союзѣ съ греками разгромили славянъ-болгаръ на радость сосѣдей — нейтральныхъ румынъ и австрійцевъ. Политическое единеніе славянскихъ народовъ оказалось не прочнѣе, чѣмъ союзы народовъ, самыхъ чуждыхъ и далекихъ по крови и происхожденію.

При коренномъ измѣненіи исторической обстановки и отпаденіи туманной теоріи трудно, въ сущности, создать себѣ ясное представленіе, какія именно задачи Россіи понимались въ послѣднее время подъ именемъ ближневосточнаго вопроса. Вѣдь не могло же дѣло ограничиваться неблагодарной и безплодной ролью примирителя грызущихся между собой славянъ или завистника, дрожащаго при извѣстіи о каждомъ новомъ шагѣ культурно-экономическихъ вліяній Германіи, приходящаго въ ужасъ отъ всякой новой версты желѣзной дороги, проложенной въ меридіональномъ направленіи, отъ всякой новой конторы или склада товаровъ. Но, прочитывая толстыя книги, посвященныя ближневосточнымъ проблемамъ, мы видимъ лишь

множество деталей, мелочей, подозрительности по отношенію къ другимъ державамъ, недомолвокъ, какъ если бы авторъ что-то зналъ, но не хотѣлъ сказать, чувствовалъ себя обязаннымъ всѣмъ интересоваться, во все вмѣшиваться, но не зналъ, для чего и въ какую сторону нужно влiять. Новая теорія такъ называемаго «неославизма» была созданіемъ уже не русской публицистики, а зарубежнаго славянства, въ особенности чеховъ. Корни «неославизма» лежали въ потребностяхъ текущей политики австрійскихъ славянъ, національному росту которыхъ было неуютно въ тискахъ всенѣмецко-австрійскихъ отношеній. Они пытались внутренніе австрійскіе споры перенести въ область внѣшней политики и ближне-восточные вопросы представить передъ Европой уже не въ качествѣ турецкаго, а германскаго вопроса, замѣняя идею «изгнанія Турціи изъ Европы» мыслью о расчлененіи «лоскутной монархіи». Но, когда русская публицистика бралась за эту идею, она не могла прикрыть внутренней фальши: новая постановка вопроса затрагивала Россію не менѣе, чѣмъ Австрію. Вѣдь въ Австріи славянамъ жилось свободнѣе, чѣмъ въ Россіи — достаточно сравнить автономную Галицію съ Царствомъ Польскимъ, или положеніе украинства въ Восточной Галиціи съ положеніемъ его въ надднѣпровской Украинѣ. И если уже во время послѣдней турецкой войны были отчетливо слышны голоса, что прежде, чѣмъ освобождать славянъ отъ турокъ внѣшнихъ, нужно подумать объ освобожденіи отъ турокъ внутреннихъ, то теперь подобныя мысли изъ оппозиціонной фразеологіи превратились въ настойчивое требованіе реальной политики. Вѣдь даже если исходить изъ идеи о соперничествѣ Россіи съ Австріей и Германіей, то средство для дости-

женія въ этой области русскихъ активно-политическихъ задачъ лежало для Россіи не во внѣшней, а во внутренней политикѣ. При наличіи славянскаго большинства въ Австріи, несомнѣнно, оздоровленіе внутри-россійскихъ отношеній сыграло бы громадную роль и рано или поздно заставило бы Австрію быть втянутой въ орбиту русскихъ вліяній: автономія въ Варшавѣ и соглашеніе съ украинцами въ Кіевѣ дали бы политически и стратегически безконечно больше, чѣмъ занятіе Кракова или завоеваніе Львова. Характерно, что даже мысль профессіональныхъ дипломатовъ приходила къ тѣмъ же выводамъ — сошлемся на кн. *Н. Трубецкого*. Въ своей книжкѣ, не потерявшей до настоящаго времени интереса и цѣнности, онъ, говоря о новой стадіи славянскаго вопроса, утверждаетъ, что въ качествѣ перваго шага для самоопредѣленія Россіи въ качествѣ славянской державы необходимо измѣненіе внутренней политики по отношенію къ полякамъ и, вообще, «инородцамъ».

«Новый курсъ во внутренней національной политикѣ и послѣдовательная дипломатическая позиція на Балканахъ имѣла бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новый курсъ Австро-Венгріи по отношенію къ намъ — это было бы создано славянскимъ большинствомъ въ Австріи. Австрійскіе поляки, если бы они только увѣровали въ перемѣну отношенія русскаго правительства къ ихъ соплеменникамъ, измѣнили бы свое отношеніе къ Россіи. Въ настоящее время главной опорой нѣмецкаго правленія въ Австріи и, слѣдовательно, ея вѣрности тройственному союзу служитъ блокъ поляковъ и нѣмцевъ»...

Такимъ образомъ, если даже признать наличіе интересовъ Россіи въ разрушеніи нѣмецкаго стремленія на востокъ, орудіемъ котораго служила

Австрія, то мы видимъ, что средство къ борьбѣ съ этимъ сами русскіе дипломаты вынуждены были видѣть не внѣ, а внутри предѣловъ Россіи. Автономія Польши болѣе парализовала бы нѣмецкій Drang nach Osten, чѣмъ угроза самой совершенной мобилизаціей русскихъ армій. Покамѣстъ же русская политика не находила въ себѣ силъ для новаго курса во внутреннихъ отношеніяхъ, ея безпредметная хлопотливость около балканскихъ вопросовъ, безполезная для русскихъ интересовъ, лишь смущала и соблазняла балканскихъ политиковъ и напрасно вселяла тревогу въ сосѣдяхъ, все время возвращавшихся къ мысли, что ближневосточный вопросъ давно уже слѣдуетъ формулировать, какъ вопросъ о противорѣчіи Россіи и Европы.

*

Если до сихъ поръ наши поиски объективно-значимыхъ причинъ вражды Россіи по отношенію къ Германіи были безплодными, то, быть можетъ, въ плоскости хозяйственныхъ явленій мы найдемъ корни для дѣйствительно неустранимыхъ антагонизмовъ?

Но цифры и факты въ экономической области доказывали неопровержимо, что народныя хозяйства Россіи и Германіи находятся въ тѣснѣйшей связи между собой, другъ друга дополняютъ и даже до извѣстной степени обуславливаютъ. Въ 1911—13 годахъ 46 % общаго ввоза въ Россію шло изъ Германіи и 45 % вывоза изъ Россіи шло въ Германію. Точно такъ же въ германскомъ торговомъ бюджетѣ ввозъ изъ Россіи занималъ первое мѣсто. При этомъ значеніе торговли съ Германіей все возрастало. Съ момента прекращенія таможенной войны Россіи съ

Германіей, разыгравшейся въ началѣ 90-хъ годовъ, доля Германіи исчислялась въ процентахъ общаго ввоза и вывоза Россіи:

Среднія за четырехлѣтія.	Вывозъ. %	Ввозъ.
1895/98	42	33
1899/02	45	35
1903/06	43	36
1907/10	48	40
1911/13	46	45

Такъ какъ Россія страна по преимуществу земледѣльческая, а Германія промышленная, то приведенныя цифры соотвѣтствовали естественному развитію нормальныхъ экономическихъ отношеній.

Для полноты картины слѣдуетъ указать, что при громадномъ ростѣ торговыхъ сношеній съ Германіей экономическія отношенія Россіи къ другимъ странамъ находились въ стаціонарномъ положеніи и даже падали. Напримѣръ, главная статья нашего вывоза въ Англію — пшеница — ввозилась въ Англію:

Годы. (Среднія за годъ).	Изъ Россіи.	Изъ Аргентины, Австраліи, Канады и Индіи.
	(Въ милліонахъ центнеровъ.)	
1882/91	12,5	16,6
1892/01	10,3	23,5
1902/11	17,1	58,8
1912/13	7,0	78,2

Въ связи съ этимъ естественно падало и общее участіе Англіи въ русской внѣшней торговлѣ, и не только въ отношеніи вывоза въ Англію, но и ввоза изъ Англіи, что свидѣтельствовало о большей выгодѣ для Россіи покупать германскіе товары:

Годы.	Привозъ въ Россію изъ Германіи	изъ Англіи
	(въ % всего ввоза).	
1846/48	15,7	29,2
1896/98	32,4	18,8
1898/02	34,7	18,6
1903/07	37,2	14,8
1908/12	41,6	13,4
1912	45,4	12,6
1913	47,5	12,6

Анализъ причинъ паденія русской торговли съ другими странами (помимо Германіи) приводилъ изслѣдователей къ цѣлому ряду обстоятельствъ: отсутствіе собственнаго торговаго пароходства, ставящее фрахты въ зависимость отъ иностранныхъ пароходныхъ линій и заставляющихъ хлѣбъ итти сухимъ путемъ, плохое оборудованіе портовъ, влекшее за собой простой иностранныхъ пароходовъ, низкое качество русскихъ продуктовъ (напримѣръ, засоренность и влажность русскаго зерна), отсутствіе ветеринарнаго надзора (для мяса) и др. Словомъ, цѣлый рядъ причинъ, устраненіе которыхъ было исключительно въ рукахъ самой Россіи. Если сопоставимъ эти факты со все растущей торговлей съ Германіей, то вынуждены будемъ притти къ установленію слѣдующихъ двухъ неустранимыхъ и неопровержимыхъ фактовъ:

1. Германія являлась наименѣе требовательнымъ покупателемъ русскихъ товаровъ.

2. Германія являлась наиболѣе дешевымъ продавцомъ товаровъ фабричнаго производства.

Но въ русской экономической публицистикѣ это было формулировано иначе:

«Германія опутываетъ Россію своими экономическими сѣтями»...

«Россія превращается въ Германскую колонію»..

«Россія должна неуклонно и настойчиво стремиться къ эмансипаціи отъ Германіи» *)...

Конечно, авторы подобной формулировки экономическихъ проблемъ — до І. М. Гольдштейна включительно — менѣе всего думали о вооруженномъ столкновеніи между обѣими странами. Развѣ военныя событія могли имѣть какую-либо роль тамъ, гдѣ дѣло рѣшалось качествомъ русскаго хлѣба и цѣной пароходныхъ фрахтовъ? Развѣ разгромъ Германіи, которая покупала русскій хлѣбъ, могъ заставить Англію перейти отъ канадскаго хлѣба къ русскому, или заставить русскихъ торговцевъ и покупателей вмѣсто дешевыхъ германскихъ товаровъ покупать дорогія вещи у шведовъ или тѣхъ же англичанъ? Рѣчь могла итти лишь объ измѣненіи торговаго договора съ Германіей или даже о полномъ отказѣ отъ него — хотя надо замѣтить, что критика германскаго торговаго договора не всегда блистала содержательностью и опредѣленностью **)... Но для широкой публики, не охочей вдумываться въ факты и анализировать цифры, существовали только лозунги, только хлесткія словечки, звучащія въ унисонъ съ общимъ тономъ запугиванія и натравливанія, безраздѣльно царившимъ въ политикѣ.

*

Таковы, въ общихъ чертахъ, основныя направленія идеологіи вражды Россіи къ Германіи. Во время

*) См. проф. *І. М. Гольдштейнъ*. Война и русско-германскій торговый договоръ, и слѣдуетъ ли Россіи быть «колоніей» Германіи? 2-ое изданіе, 1915 года.

**) Объ этомъ см. *Н. Сухановъ* «Почему мы воюемъ», гдѣ дана критическая сводка мнѣній объ экономическомъ «антагонизмѣ» Германіи и Россіи.

войны все, конечно, вылилось въ болѣе рѣзкія формы, отчеканилось, заострилось. Проф. Гольдштейнъ поспѣшилъ издать свою книгу вторымъ изданіемъ, снабдивъ ее воинственнымъ предисловіемъ. Разговоры о Константинополѣ, который «не долженъ стать германскимъ», стали всеобщими. Къ нимъ присоединились шумныя, захлебывающіяся рѣчи о противорѣчіяхъ общечеловѣческой и германской культуры. И, насколько все это было далеко отъ объективности, отъ минимальнаго чувства мѣры и приличія, можно судить по тому, что въ массѣ перестали чувствовать противорѣчіе между словами объ оборонительномъ и даже освободительномъ характерѣ войны и требованіями присоединенія къ Россіи Восточной Пруссіи — тезисъ, выставленный лидеромъ русскаго прогрессизма и либерализма П. Н. Милюковымъ. Говоря о необходимости присоединенія къ объединенной (подъ русскимъ господствомъ) Польшѣ Данцига съ коридоромъ къ морю, *П. Н. Милюковъ* спокойно указывалъ:

> «Отрицательная сторона присоединенія западной и южной части Восточной Пруссіи къ Польшѣ заключается въ томъ, что такимъ образомъ появляется нѣмецкая анклава въ сѣверной части Восточной Пруссіи съ Кенигсбергомъ, съ населеніемъ около 1½ милліона. Оставить этотъ оазисъ въ чрезполосномъ владѣніи Германіи невозможно, и Россіи придется составить изъ него новую Остзейскую губернію. Но съ этимъ придется примириться, если мы дѣйствительно хотимъ возстановить объединенную Польшу»...

Теперь кажется просто невѣроятнымъ, какъ могли быть написаны подобныя слова, которыя, къ сожалѣнію, чернымъ по бѣлому красуются въ книжкѣ «Чего ждетъ Россія отъ войны?» (статья *П. Н. Милюкова:* «Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи»,

стр. 56). Надо замѣтить, что въ Россіи этотъ профессорскій выпадъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Но въ Германіи онъ нашелъ шумный откликъ и обширныя комментаріи.

*

Однако, и со стороны германской публицистики было проявлено не меньше отваги и рѣшимости по отношенію къ Россіи, чѣмъ со стороны русскихъ политиковъ по отношенію къ Германіи. Почти всякому тезису съ русской стороны мы находимъ свой антитезисъ со стороны германской, далеко не всегда блещущій сдержанностью и безпристрастіемъ. И на фонѣ усердно культивируемой вѣры въ первенство и вселенское назначеніе германскаго народа, которая по своей первобытности можетъ поспорить съ вѣрой въ мессіанство Россіи, разрисовывались пестрые узоры, въ которыхъ легкомысліе и беззастѣнчивый утопизмъ уступали только цинизму. Болѣе того, нѣмецкая до- и послѣвоенная публицистика, натравливавшая нѣмецкій народъ на Россію, была даже значительно ярче и носила черты искренняго подъема и воодушевленія. Многіе политическіе памфлеты здѣсь читаются такъ же легко, какъ романы. Въ этомъ отношеніи аналогичныя русскія произведенія являются лишь слабымъ отблескомъ, лишь плохимъ, нескладнымъ подражаніемъ и перелицовкой нѣмецкой пѣсни на русскій ладъ.

Но яркость формы и пылкость тона еще не дѣлаютъ содержанія. И если снять шелуху темперамента, самоувѣренности и хлесткости, то содержаніе идеологіи вражды нѣмцевъ къ Россіи такъ же убого

и примитивно, какъ тѣ мысли, разборомъ коихъ мы были заняты до сихъ поръ.

*

Русское стремленіе къ югу и къ Константинополю пересѣкалось съ германскимъ Drang nach Osten.

Поскольку на востокъ продвигались нѣмецкіе торговые агенты, купцы, фабриканты, банкиры — все это не выходило изъ рамокъ развитія международныхъ отношеній, которое характеризуетъ всю нашу эпоху. Въ этомъ отношеніи какъ всѣ народы, такъ и Германія двигались на востокъ и на западъ, на югъ и на сѣверъ... Но стоило только вмѣшаться политикамъ и публицистамъ, какъ дѣло сразу приняло трагическій оборотъ.

Началось, конечно, съ рѣчей объ оборонѣ. Одинъ изъ самыхъ сдержанныхъ примѣровъ — отвѣтъ проф. Дельбрюка на уже цитированную нами статью проф. Митрофанова. Смыслъ этого отвѣта: если Россія считаетъ своей миссіей покорить Европу и Азію, — ну, что же, тогда нѣмцы должны видѣть свою миссію въ томъ, чтобы защитить Европу и Азію отъ господства Московіи.

Но такой оборонительной задачей нѣмецкая мысль рѣдко ограничивалась. И какъ далеко шли подчасъ нѣмецкіе планы, можно судить по разсужденіямъ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ германскихъ публицистовъ, творенія котораго расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и къ которому намъ придется постоянно возвращаться: *П. Рорбаха.*

Константинополь нуженъ Россіи. Съ этимъ Рорбахъ согласенъ безъ всякихъ оговорокъ. Болѣе того, онъ склоненъ изображать дѣло такимъ образомъ,

что вопросъ о Константинополѣ становится вопросомъ жизни и смерти для Россіи, т. е. итти гораздо дальше, чѣмъ это дѣлаютъ сами русскіе имперіалисты, но не для того, чтобы согласиться и призывать уступить Россіи, а для того, чтобы тѣмъ рѣзче выставить свою любимую, основную идею — противоположность и смертельную непримиримость интересовъ и даже самаго бытія Россіи и Германіи.

Вотъ ходъ мыслей П. Рорбаха. Германія не менѣе Россіи обижена природой и находится въ географической тюрьмѣ. Россія, кромѣ Балтійскаго и Чернаго морей, имѣетъ еще доступъ къ Тихому и Ледовитому океанамъ. Германія же имѣетъ только одинъ морской путь — Сѣверное море. Правда, въ мирное время этотъ путь свободенъ и открытъ. Но въ военное время выходъ изъ него зависитъ отъ позиціи Англіи, и при существующемъ положеніи вещей выходъ этотъ можетъ быть каждую минуту закрытъ. Для того, чтобы держать морской путь надежно и всегда открытымъ, нужны средства давленія на Англію. Одно средство Рорбахъ видѣлъ въ открытой борьбѣ въ морѣ флотомъ и подводными лодками... Ну, а если неудача? Тогда нужно искать иной путь, путь окольнаго давленія. Для Англіи самымъ важнымъ міровымъ пунктомъ является Суэцкій каналъ. Каналъ этотъ ведетъ въ Индійскій океанъ, на берегахъ котораго живетъ 450 милліоновъ жителей, четыре пятыхъ коихъ подъ властью англичанъ. Изъ Индійскаго океана черезъ Зондскій проливъ идетъ путь въ Сингапуръ, въ Тихій океанъ, въ страны, гдѣ живетъ 450 милліоновъ жителей... Словомъ, Суэцкій каналъ связываетъ Англію съ половиной всего человѣчества. Ясно, какое громадное значеніе для нея имѣетъ каналъ и Египетъ. Отсюда очевидно, что Германія должна получить возмож-

ность давить на эту ахиллесову пяту Англіи. Такое давленіе возможно только изъ Константинополя. Иными словами — ключъ отъ Сѣвернаго моря лежитъ для Германіи у Босфора. Поэтому — сдѣлаетъ выводъ нетерпѣливый, но недогадливый читатель—необходимо соглашеніе съ Россіей? Нѣтъ! Съ нею необходима борьба. Итакъ, для того, чтобы держать въ Европѣ морской путь обезпеченнымъ отъ Англіи — авантюра въ Азіи и борьба на сухопутной границѣ со 180-ти милліоннымъ русскимъ колоссомъ... Чѣмъ не рѣшимость и чѣмъ не патріотизмъ!

*

Но, конечно, не только такимъ косвеннымъ, отраженнымъ путемъ питались настроенія вражды къ Россіи: германская публицистика находила и непосредственные поводы для борьбы съ нею. Тотъ же *Рорбахъ* былъ однимъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ, твердыхъ и неуклонныхъ враговъ Россіи, настолько,что имя его стало синонимомъ антирусскихъ тенденцій въ Германіи. Сравнительно хорошо зная условія въ Россіи, владѣя русскимъ языкомъ, знакомый съ современной русской политической и экономической литературой, Рорбахъ съ упорствомъ маніака проповѣдывалъ разрушеніе Россіи, тщательно высматривая всѣ ея слабыя мѣста, всѣ малѣйшія трещины, всѣ затрудненія и осложненія. Все же, что было положительнаго въ Россіи, заставляло его подымать шумъ и тревогу: смотрите, Россія растетъ, совершенствуется, надо торопиться разрушить ее!... Правда, къ числу вліятельныхъ и вѣскихъ политическихъ дѣятелей Германіи Рорбаха причислить нельзя. Но то, что на его твореніяхъ лежитъ печать полной безотвѣтственности, еще не значитъ, что эти писанія были безрезультатными. Въ Германіи его

анти-русскія произведенія имѣли громадное распространеніе, такое, какого не знала ни одна политическая книга въ Россіи. Кромѣ того, его мысли и слова звучнымъ эхомъ отдавались въ Россіи, значительно больше и краснорѣчивѣе способствуя германофобскимъ настроеніямъ, чѣмъ всѣ писанія всѣхъ нововременцевъ, вмѣстѣ взятыхъ.

И Рорбахъ былъ не одинокъ въ подобной судьбѣ. Въ Германіи мало кто подозрѣвалъ о существованіи нѣкоего Танненберга, который въ небольшой книжонкѣ*) развивалъ цѣлую кучу несдержанныхъ мыслей о томъ, какъ въ двадцатомъ вѣкѣ Германія покоритъ весь міръ. А, между тѣмъ, эта книга, переведенная на французскій и англійскій языки, обошла во время войны весь міръ и служила въ рукахъ противниковъ лучшимъ орудіемъ анти-германской пропаганды. Къ сожалѣнію, Брестскій миръ, который казался вдохновленнымъ не трезвыми и дальновидными расчетами, а именно безоглядными прорицаніями Рорбаховъ и Танненберговъ, показалъ, что внимательное отношеніе къ этого рода литературѣ не было необоснованнымъ.

*

Аргументація присяжныхъ руссофобовъ, поскольку ее вылущить изъ-подъ шелухи историческихъ и статистическихъ изысканій, проста и несложна. Россія растетъ, и Германія растетъ. Вотъ два факта, которыми съ разныхъ сторонъ оперируютъ наши писатели. Изъ этихъ двухъ фактовъ дѣлаются два вывода. Изъ того, что Россія растетъ, заключаютъ, что Россію надо уменьшить, разрушить. Изъ того

*) Otto Richard Tannenberg. Gross-Deutschland.

же, что Германія растетъ, дѣлается выводъ, что Германію необходимо увеличить.

Россія растетъ. Отъ 35 милліоновъ жителей въ 1800 году ея европейское населеніе возросло крутой линіей до 111 милліоновъ въ 1910 году; все же ея населеніе достигаетъ въ настоящее время 180 милліоновъ, а черезъ нѣсколько поколѣній достигнетъ чудовищной цифры въ 300 милліоновъ. Аграрная реформа, проводимая въ Россіи неуклонной волей правительства, распространеніе культуры и просвѣщенія дѣлаютъ эту массу небывалымъ историческимъ явленіемъ и грозитъ Германіи неуклонной гибелью: вѣдь Россія не стоитъ на мѣстѣ, она неуклонно расширяется, черная тѣнь ея господства растетъ, надвигаясь на Европу. И она сломитъ Германію, если только Германія своевременно не подумаетъ о мѣрахъ спасенія и защиты. Эта мѣра — отторженіе отъ Россіи ея западныхъ инородческихъ окраинъ, лишь въ теченіе послѣдняго столѣтія внѣшне присоединенныхъ къ московскому центру: Финляндіи, прихватывая за одно всю Карелію, Эстляндіи, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи, Украины... Только политическое расчлененіе Россіи можетъ спасти Германію отъ растущей русской опасности.

Выводы изъ того факта, что Германія тоже растетъ, не противорѣчатъ, а лишь дополняютъ аргументацію. Ежегодный приростъ населенія Германіи около 1 милліона человѣкъ. Куда дѣвать этотъ излишекъ? Дома для нихъ мѣста нѣтъ, дома и такъ уже тѣсно. Эмиграція за океанъ приводитъ къ тому, что отечество навсегда лишается своихъ сыновъ. И вотъ, подсчитывается количество населенія на километръ въ Германіи и въ сосѣднихъ восточныхъ областяхъ, и дѣлается выводъ: Германія должна колонизировать Прибалтику, Литву и, быть

можетъ, часть Бѣлоруссіи, создавъ тамъ изъ помѣщичьихъ земель нѣмецкій колонизаціонный фондъ. И съ нѣмецкой добросовѣстностью, аккуратностью и даже кропотливостью высчитывается, сколько гектаровъ земли можно считать «свободными», сколько нѣмцевъ и въ какое время можетъ принять каждая изъ окраинныхъ русскихъ губерній, составляются планы, какимъ образомъ въ страны съ протестантскимъ населеніемъ будутъ направлены нѣмцы-протестанты, а въ католическія страны пойдетъ потокъ нѣмцевъ-католиковъ, какимъ образомъ будетъ поощряться эмиграція мѣстнаго туземнаго населенія въ Америку... Въ конечномъ же счетѣ рисуется картина сплошного нѣмецкаго или онѣмеченнаго моря вплоть чуть ли не до Березины.

Стоитъ ли опровергать эти разсужденія? Стоитъ ли доказывать, что ростъ сосѣднихъ народовъ не противорѣчитъ, а, наоборотъ, обуславливаетъ другъ друга: Германія именно потому и можетъ расти, что наряду съ нею увеличивается населеніе, а значитъ, и трудъ и покупательная сила Россіи. Стоитъ ли указывать, что при одинаковомъ ростѣ Германіи и Россіи соотношеніе ихъ силъ останется и въ будущемъ прежнимъ. Слѣдуетъ ли напоминать, что сама Германія, которая такъ боится опасности на востокѣ, является не меньшей «опасностью» для своего западнаго сосѣда, Франціи, въ которой еще въ 1820 году населеніе было на 4 милліона больше населенія Германіи, въ 1845 году населеніе было уже равно, а въ 1910 году Германія уже на цѣлыхъ 26 милліоновъ превышала населеніемъ Францію — ровно на столько, сколько было всего французовъ въ 1800 году. Очевидно, недалеко время, когда нѣмцевъ будетъ въ два раза больше, чѣмъ французовъ... Значитъ ли это, что Франція должна во что бы то ни

стало стремиться къ расчлененію Германіи? И стоитъ ли опровергать фантастическіе колонизаціонные и германизаторскіе планы? Если Германія всѣмъ напряженіемъ своего государственнаго механизма не могла ни на метръ подвинуть своей этнографической границы въ Познани, если 600 лѣтъ ея господства не онѣмѣчили горсти поляковъ въ Верхней Силезіи, то можно ли серьезно говорить о томъ, что эсты, латыши, литовцы, много десятковъ вѣковъ цѣпко державшіеся за свою землю и успѣвшіе преодолѣть гнетъ побѣдителей и рабство полнаго безправія, вдругъ окажутся безпомощными объектами для колонизаціонныхъ и германизаторскихъ плановъ новаго поколѣнія крестоносцевъ?...

Страхъ передъ чужимъ ростомъ и безпокойство по поводу своего собственнаго роста — это страхъ передъ культурой, страхъ передъ чудесами нашей эпохи, мѣняющими весь обликъ земного шара. Это вѣра дикаря, что въ жизни имѣется только одинъ выборъ: или самому съѣсть сосѣда, или быть съѣденнымъ имъ. Новая исторія культурныхъ странъ даетъ, повидимому, новыя альтернативы, которыя, будемъ надѣяться, нѣсколько расходятся съ воззрѣніями и убѣжденіями людоѣдовъ и дикарей.

*

Замѣчательно, что тѣ же лица и писатели, развивающіе планы чрезвычайной экспансіи и небывалаго расширенія германцевъ на востокъ, находятъ совершенно иныя слова и выраженія, когда говорятъ объ отношеніяхъ Россіи къ ея народамъ, особенно къ Финляндіи. Здѣсь лица, предлагавшія для Познани установить такой порядокъ, чтобы у поляковъ, проявившихъ антинѣмецкія чувства, конфисковалось имущество, на такую стоимость, чтобы возмѣстить

государству затраты на воспитаніе, — вдругъ преисполнялись уваженія къ правамъ угнетенныхъ націй, пламенно восторгались мужествомъ малыхъ народовъ, защищающихъ свои права и ведущихъ борьбу съ насильственной руссификаціей. Въ этомъ отношеніи уровень мысли у германскихъ имперіалистовъ во всякомъ случаѣ не выше, чѣмъ русскихъ политиковъ, которые, примирившись съ существовавшимъ положеніемъ въ русской Польшѣ, скорбѣли объ участи славянъ въ Австріи.

*

Что же еще? Оборона отъ русскаго жандарма и русской нагайки? Винтовка, которую старый Бебель хотѣлъ вскинуть на плечо въ случаѣ войны съ Россіей?... Но лучше оставимъ этотъ опасный путь. Подъ дружнымъ усиліемъ военныхъ идеологовъ всѣхъ странъ и народовъ границы между оборонительными и завоевательными планами рухнули и стерлись безслѣдно. И если мы видѣли, какъ русское общество перестало улавливать противорѣчіе между оборонительной фразеологіей и похвальбами о намѣреніи присвоить себѣ здоровеннѣйшіе куски чужеземной территоріи, то точно такъ же съ германской стороны рѣчи о защитѣ оканчивались неизмѣнно планами отторженія такихъ областей, изъ которыхъ оказалось возможнымъ слѣпить чуть ли не десятокъ самостоятельныхъ государствъ. Быть можетъ, впрочемъ, на одной изъ сторонъ больше искренности, на другой болѣе лицемѣрія. Быть можетъ, сопоставленіе оборонительной позиціи большинства германской соціалъ-демократіи съ позиціей нашихъ оборонцевъ и самозащитниковъ можетъ дать поучительный результатъ... Для насъ эти резуль-

таты не имѣютъ значенія и гаснутъ при свѣтѣ факта, что не было двухъ оборонцевъ въ обѣихъ странахъ по ту и по сю сторону фронта, которые понимали бы оборону одинаково. Идейной гегемоніи германской соціалъ-демократіи надъ русской оказалось достаточнымъ лишь для того, чтобы русскіе товарищи сдѣлали выводъ: германская соціалъ-демократія пріяла войну, значитъ, и мы должны безоговорочно принять ее. Это, кажется, единственное практическое проявленіе международной солидарности рабочихъ, такъ торжественно возглашаемой въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ.

УРОКИ ВОИНЫ.

Мы видѣли кругъ идей, бросившихъ другъ на друга многомилліонныя ощетинившіяся штыками массы обоихъ мирныхъ, добродушныхъ и трудолюбивыхъ народовъ.

Событія опровергли эти идеи съ нещадной ясностью. Лишь въ эффектно задуманныхъ трагедіяхъ, мелодрамахъ, да въ дѣтскихъ нравоучительныхъ сказкахъ находимъ мы такую послѣдовательность въ разрушеніи человѣческихъ плановъ и издѣвательство неумолимой судьбы надъ расчетами и намѣреніями людей. И всякій, имѣющій уши, чтобъ слышать, очи, чтобы видѣть, и разумъ, чтобы размышлять, — долженъ ощущать необычную наглядность того предметнаго урока, который развернулся для Россіи и Германіи въ міровой войнѣ. Возьмемъ любую изъ цѣлей войны, гордо и самодовольно поставленныхъ передъ собой русской или германской политикой, и мы увидимъ, что на каждую данъ полный сарказма отвѣтъ. На требованіе неограниченной свободы морей — полная потеря флота; на колонизаціонные планы на востокѣ — потеря всѣхъ колоній, потеря Данцига, Познани, части Верхней Силезіи; на планы расчлененія Россіи

— расчлененіе Австріи; на мечты о новой Остзейской губерніи — потеря Россіей Риги, Ревеля, Вильны и оспариваніе правъ на древній Кіевъ; на «историческое стремленіе» къ Константинополю — толпы русскихъ бѣженцевъ, спасающихся отъ Россіи, наполняющіе Царьградъ; на самоувѣренныя слова о низкомъ состояніи культуры варварской Германіи — поиски пріюта въ ней... Необычайная поучительность и яркость отвѣтовъ на запросы каждой стороны становится просто озадачивающей и даже жуткой, если припомнить, что такіе отвѣты даны не одному изъ противниковъ, а обоимъ, что придаетъ всѣмъ событіямъ, наряду съ тревожностью, успокаивающій характеръ: историческій смыслъ событій не въ томъ, что Германія должна уступить Россіи, или Россія Германіи, какъ прорицали политическіе витіи обѣихъ странъ, а въ томъ, что обѣ страны должны подчиниться требованіямъ современной международной жизни, нарушеннымъ ихъ безсмысленной враждой.

*

Два основныхъ факта характеризуютъ собой развитіе современной жизни: космополитизмъ хозяйственно-экономическихъ отношеній и націонализмъ — государственно-политическихъ.

Общее развитіе техники, въ особенности путей сообщенія и сношеній, почти уничтожили разстоянія и сблизили народы между собой такъ, что хозяйство и трудъ всѣхъ странъ неразрывно вплетены въ общую систему міроваго хозяйства. Мы видѣли эту связь уже на примѣрахъ Германіи и Россіи. Но то же самое находимъ и въ развитіи другихъ странъ,

подчасъ еще въ большей степени. Нью-Іоркская и Лондонская биржи отражаютъ въ себѣ хозяйственную жизнь всего міра. Правда, общепринятая словесность еще сохранила противоположеніе хозяйственныхъ интересовъ одного народа такимъ же интересамъ другого народа, и мы постоянно слышимъ о «конкуренціи» ихъ между собой, о томъ, что ростъ благосостоянія одного народа означаетъ ущербъ другому. Но это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что интересы Псковской губерніи противорѣчатъ интересамъ Тверской, и ихъ процвѣтаніе обратнопропорціонально другъ другу, что интересы Бирмингама конкурируютъ съ интересами Лондона, что Лейпцигъ находится въ хозяйственномъ антагонизмѣ съ Берлиномъ. Уже *Норманъ Энджель* съ замѣчательнымъ чутьемъ существа современной эпохи и незабываемой публицистической яркостью иллюстрировалъ эту мысль. Его примѣры, взятые изъ эпохи всеобщаго процвѣтанія, можно было бы до безконечности увеличивать примѣрами изъ нашей эпохи всеобщаго и солидарнаго обнищанія. Откройте текущіе экономическіе журналы, и вы узнаете, что, вслѣдствіе того, что жена рабочаго въ Эссенѣ не покупаетъ кофе у своего бакалейщика, бакалейщикъ не беретъ товара у Гамбургскаго оптовика; Гамбургскій оптовикъ не заказываетъ кофе въ Бразиліи; бразильскій плантаторъ не можетъ заплатить за необходимыя сельско-хозяйственныя машины и колючую проволоку для заборовъ чикагскому фабриканту; чикагскій сталелитейщикъ и рабочій не пріобрѣтаютъ шелковыхъ издѣлій, изготовленныхъ изъ японскаго сырца; Японія не покупаетъ кожи въ Китаѣ; Китай не потребляетъ консервированнаго мяса и муки изъ Аргентины; аргентинскій плантаторъ не выписываетъ автомобиля изъ

Франціи; французскому рабочему и автомобильному мастеру становятся недоступными рыбные консервы, изготовленные въ Норвегіи; норвежскій рыбакъ не можетъ купить итальянскихъ фруктовъ, а итальянскій садоводъ отказывается отъ алюминіевыхъ издѣлій изъ Швейцаріи, — и, въ результатѣ, въ то время, какъ вся Европа ходитъ ободранная и босая, Египетъ на $^1/_3$ сокращаетъ свои хлопковые посѣвы, въ Соединенныхъ Штатахъ союзъ плантаторовъ споритъ, сократить ли площадь хлопка на $^1/_4$ или на $^1/_2$, въ Индіи сокращается на $^1/_3$ добыча каучука, на Зондскихъ островахъ лежатъ горы сырья, не находящія спроса, а пароходныя линіи изъ-за недостатка грузовъ для перевозки пріостанавливаютъ платежи.

Быть можетъ, этотъ условный примѣръ не самый удачный, но, во всякомъ случаѣ, и не самый сложный. Вѣдь, независимо отъ примѣровъ, развѣ мы не знаемъ, что наше любое хозяйственное дѣйствіе, вплоть до покупки апельсина или горсти орѣховъ съ лотка уличнаго разносчика — автоматически отражается, въ массѣ милліоновъ и милліардовъ другихъ хозяйственныхъ дѣйствій, на хозяйственномъ строѣ всѣхъ странъ міра: и въ рудникахъ Австраліи, и въ плантаціяхъ Индіи и Египта, въ банкирскихъ домахъ Калифорніи, въ серебяныхъ копяхъ Мексики, на шкунахъ морскихъ рыбаковъ.

Факты эти общеизвѣстны. Но, обращая сравнительно мало вниманія на моментъ роста солидарности въ хозяйственныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ странъ, изслѣдователи и политики съ особой остротой восприняли и оцѣнили моментъ пространственнаго расширенія экономическихъ операцій каждой отдѣльной страны. И когда купецъ той или иной

націи самодовольно сообщаетъ, что онъ открылъ свою контору въ сосѣдней странѣ, когда промышленникъ начинаетъ получать изъ-за границы обильные заказы, когда владѣльцы пароходныхъ линій не могутъ справиться съ обиліемъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, — тогда является на сцену хлопотливый политикъ и встревоженно начинаетъ говорить о томъ, что энергія и предпріимчивость страны задыхаются въ своихъ государственныхъ предѣлахъ, что эти границы необходимо расширить, что политическую власть надо распространить въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ хозяйственной жизни. И убѣждаетъ купца, желѣзнодорожника, организатора, работающихъ и преуспѣвающихъ въ плоскости міровой солидарности — впрячься въ задачи политики, построенной на узкой и недальновидной исключительности. Капитализмъ, въ своей чистой и прогрессивной формѣ стремящійся къ космополитизму, оказался плѣненнымъ отжившими идеями феодальнаго партикуляризма.

Реальные интересы купца и фабриканта заставляютъ ихъ перешагнуть черезъ государственную границу, политикъ же заставлялъ ихъ тащить эту границу за собой. Но такъ какъ хозяйственная дѣятельность теперь получаетъ всемірное расширеніе, то и государственные планы получаютъ чрезвычайно внушительный характеръ. И мы видимъ, какъ идеи общности и космополитизма, созданныя трудомъ, предпріимчивостью и солидарностью, въ политической фразеологіи превращаются въ идеи имперіализма и великодержавности: планы Великой Англіи, Великой Германіи, Великой Россіи, Великой Японіи, Великой Америки — наполняютъ своимъ шумомъ, ссорами и дрязгами нашъ радостный, привѣтливый и такой воистину сказочный міръ! «Міро-

вая державность», «Вселенское назначеніе», «Владычество надъ морями» — вотъ искаженный, изуродованный выводъ, который политикъ сумѣлъ сдѣлать изъ радующаго простора всемірной общности человѣческой жизни, впервые за все существованіе человѣчества развернувшейся на нашихъ глазахъ.

Но, заставляя купца, промышленника и фабриканта тянуть за собой великодержавные планы расширенія государственныхъ границъ, политикъ не даетъ себѣ заботы толкомъ выяснить связь между политическимъ господствомъ и экономической жизнью. Англійскіе изслѣдователи-пацифисты, наскучившіе разговорами о владычествѣ надъ морями, неоднократно, но безуспѣшно спрашивали, въ чемъ именно состоитъ господство Англіи надъ Канадой или Австраліей, если Канада покупаетъ въ Англіи относительно меньше, чѣмъ совсѣмъ не принадлежащая Англіи Бразилія? Въ чемъ именно преимущество англійскаго купца надъ германскимъ или американскимъ въ Индіи или Египтѣ? Потому ли покупаютъ англійскіе товары, что въ англійскомъ флотѣ девять дрэднаутовъ, а въ американскомъ только шесть? И не потому ли держится господство Англіи надъ колоніями, что оно настолько формально и лишено какихъ-либо реальныхъ принудительныхъ особенностей, что объ отказѣ отъ принципа свободныхъ дверей не приходится и думать, ибо тогда «колоніи» прежде всего сразу защитятся пошлинами отъ своей же собственной метрополіи! Точно такъ же въ Россіи можно было спросить, въ чемъ заключается экономическое господство Россіи надъ Польшей, если таможенная стѣна, которой Россія окружила Польшу, дала послѣдней возможность создать лодзинскую промышленность, и по типу экономическихъ отношеній скорѣе Россія, дававшая сырье и

покупавшая фабрикаты, была колоніей Польши, чѣмъ наоборотъ. И развѣ не то же самое было съ Латвіей, съ ея развитой рижской промышленностью?

*

Но не только экономическій смыслъ политическаго господства становится неяснымъ. Самый смыслъ этого господства и возможность успѣшнаго сохраненія его получаютъ въ послѣднее время одинъ сокрушающій ударъ за другимъ. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ тысячи фактовъ и явленій, отчетливо доказывающихъ всю безпочвенность стремленія поспѣть съ политическимъ господствомъ за расширеніемъ хозяйственной жизни: если экономика стремится ко всемірности, то политика и государственность вгоняются въ тѣсныя этнографическія рамки отдѣльныхъ народовъ.

Государственныя границы отнюдь не проявляютъ склонности слѣдовать за полетомъ мысли политиковъ, но, наоборотъ, подъ вліяніемъ общаго духа самоуправленія и демократизма, стремятся къ естественнымъ и непреложнымъ этнографическимъ предѣламъ. Фактами этого рода полна, въ сущности, вся вторая половина XIX столѣтія, принесшая намъ освобожденіе Венгріи, Италіи, балканскихъ народовъ. Наряду съ законченными процессами освобожденія мы имѣли множество признаковъ растущаго движенія: припомнимъ развитіе Финляндіи, пробужденіе никогда не жившихъ національной жизнью эстовъ, латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ, новую интенсивность польской національной жизни. Никакія «свободныя учрежденія», «гомрули», «мѣстныя автономіи» не ослабляли стремленія къ полной государственной самоопредѣляемости народовъ: чехи въ Австріи неустанно стремились

разорвать связь съ ней, даже поляки въ Галиціи все громче говорили о «выдѣленіи». Это стремленіе не считалось ни съ господствующимъ государственнымъ механизмомъ, ни съ разницей культуры, ни съ давностью государственнаго объединенія: въ этомъ Германія могла убѣдиться по примѣру Верхней Силезіи, которая, послѣ 600 лѣтъ непрерывнаго нѣмецкаго господства, еще задолго до войны, заразившись духомъ протеста отъ сородичей, угнетаемыхъ въ Познани, объявила себя польской страной. Судьбы восточныхъ провинцій Германіи отнюдь нельзя связывать съ исходомъ войны: побѣдительница Англія имѣетъ съ Ирландіей отнюдь не меньше хлопотъ, чѣмъ побѣжденная Германія съ Верхней Силезіей. И это явленіе отнюдь не ограничивается одной Европой: національное пробужденіе Индіи и Египта показываетъ общезначимость явленія. И развѣ можно сомнѣваться, что вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ пробужденіе Кореи и остановитъ движеніе Японіи въ Китаѣ? Версальскій миръ, несмотря на міровую полноту власти союзниковъ, вынужденъ былъ считаться съ этимъ принципомъ, устанавливая въ рядѣ областей плебисцитъ — гдѣ во вредъ, а гдѣ и въ пользу побѣжденному. Народное голосованіе, какъ средство опредѣленія государственныхъ границъ, недавно казалось всѣмъ кабинетнымъ измышленіемъ. Теперь же оно становится въ нашемъ сознаніи неустранимымъ методомъ разрѣшенія политическихъ конфликтовъ, методомъ, который вскорѣ сдѣлаетъ эти конфликты совсѣмъ невозможными: какой смыслъ будетъ воевать, если въ результатѣ войны надо будетъ спрашивать волю населенія?... Не лучше ли просто начать съ этого?

Послѣ всего этого развѣ не законно спросить: что, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ собой «политическое

господство» въ системѣ современнаго демократическаго государства?

*

Доискиваясь корней и обобщая идеи вражды народовъ между собой, мы неизмѣнно наталкиваемся на старыя представленія, завѣщанныя намъ еще отъ древнихъ, пережитыхъ и изжитыхъ, историческихъ эпохъ. До сихъ поръ наши современныя политическія проблемы мы оцѣниваемъ масштабами эпохи великаго переселенія народовъ, нашествія турокъ, крестовыхъ походовъ и завоеваній Америко Веспучи. Столкновеніе народовъ намъ рисуется въ видѣ сплошного нашествія одного народа, вытѣсняющаго или истребляющаго другой народъ. И когда мы, напримѣръ, говоримъ о стремленіи Россіи къ югу, или о нѣмецкомъ давленіи на востокъ, то намъ невольно рисуется картина, что массы русскихъ и полчища германцевъ покидаютъ свои насиженныя мѣста и продвигаются впередъ, истребляя огнемъ и мечомъ все попадающееся на пути. Поэтому намъ кажется вполнѣ естественнымъ, что встрѣча двухъ такихъ потоковъ не можетъ окончиться иначе, какъ ужасной, смертельной борьбой, гдѣ выборъ: или побѣдить, или быть истребленнымъ.

Но пора, наконецъ, убѣдиться, что въ современности событія и историческія явленія развиваются совершенно иначе. Современная культура увеличила въ громадной степени емкость каждой данной страны. Батыева орда и полчища Чингисхана сметали когда-то при своемъ движеніи народы съ лица земли. Но теперь десятки такихъ ордъ и сотни полчищъ являются, расселяются, и никто этого не ощущаетъ какъ зло, но наоборотъ, всякій считаетъ признакомъ развитія, культуры и прогресса. Что ска-

залъ бы нѣмецъ или русскій въ 1800 году, если бы имъ заявили, что въ Германіи вскорѣ появится 45 милліоновъ, а въ Россіи 80 милліоновъ новыхъ пришельцевъ? Такая картина рисовалась бы бѣдствіемъ худшимъ, чѣмъ если бы всѣ народы Азіи вдругъ поднялись со своихъ мѣстъ и, обрушившись, затопили Европу. А на самомъ дѣлѣ въ теченіе ста лѣтъ именно такое количество новаго населенія явилось въ Германіи и Россіи. И мы спокойно и съ гордостью говоримъ: смотрите, какъ мы развились! И чувствуемъ, что еще громадные просторы остаются для новыхъ поколѣній.

Стихійное стремленіе современныхъ народовъ завязывать связи и сношенія во всѣ стороны ничѣмъ не походитъ на походы Атиллы и Тамерлана. Это не походы для завоеваній и истребленія, а просто проявленіе космополитичности современнаго хозяйства. Не исключительность диктуетъ это стремленіе къ расширенію, а, наобротъ, объединенность и солидарность. Лишь сотни или, много, тысячи русскихъ и нѣмцевъ физически движутся, но ихъ передвиженіе не играетъ фактически никакой роли въ общемъ ростѣ мѣстнаго населенія. Стремленіе Россіи къ югу и Германіи къ востоку можетъ быть удовлетворено безъ всякаго движенія полчищъ и ордъ: два десятка новыхъ отелей въ Константинополѣ, небольшія колоніи иностранцевъ въ Багдадѣ, Дамаскѣ и Смирнѣ, снующая взадъ и впередъ толпа бойкихъ комиссіонеровъ и агентовъ, груды пересылаемыхъ товаровъ — вотъ все, что нужно для самой широкой и всесторонней экспансіи. Разрушеніе мѣстной хозяйственной жизни, являвшееся необходимостью при завоеваніяхъ въ старомъ смыслѣ слова, теперь самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило бы интересамъ «завоевателя», для котораго прежде

всего нужно, чтобы новыя области, съ которыми устанавливается связь, были въ возможно болѣе цвѣтущемъ состоянiи.

При этомъ условiи современныя столкновенiя между двумя народами должны рисоваться въ совершенно иномъ видѣ. Здѣсь побѣда одного является въ то же время побѣдой для другого, ибо связана или съ появленiемъ новыхъ товаровъ, удешевляющихъ жизнь, или новыхъ купцовъ на товары, поднимающихъ цѣны на продукты мѣстнаго производства. Тутъ завоеванiя всегда и безъ исключенiя обоюдны. Политически завоеванная Польша экономически завоевала Россiю. Англiя настолько же экономически покорила Индiю, насколько Индiя покорила Англiю. Точно такъ же нѣтъ никакой сложности въ томъ, чтобы та или иная область или городъ были сразу завоеваны нѣсколькими завоевателями, ибо подъ крышей однихъ и тѣхъ же отелей прекрасно могутъ сосуществовать агенты и комиссiонеры многихъ странъ, и на одной и той же биржѣ могутъ одерживать ежедневно блестящiя побѣды одновременно русскiе, германцы и англичане. Для разрѣшенiя же «столкновенiя интересовъ» достаточно обыкновенныхъ судовъ, и незачѣмъ прибѣгать къ пушкамъ или къ пулеметамъ. Россiя можетъ удесятерить или даже въ сотни разъ увеличить свои сношенiя черезъ проливы, и это будетъ не тормозить, а, наоборотъ, лишь облегчать движенiе германцевъ поперекъ ея пути. Доки, гавани, подъемные краны, портовыя сооруженiя, подъѣздныя желѣзныя дороги, пароходныя линiи, товарные склады и конторы, нужныя для одной страны, могутъ одновременно прекрасно обслуживать другую.

Словомъ: лучшимъ способомъ поддержать и укрѣпить свое движенiе къ югу для Россiи было —

тикуляризмы, съ ихъ придворными гнѣздами мелкихъ интригъ, когда пали таможенныя перегородки, отдѣлявшія одинъ германскій городъ отъ другого, когда создалась единая гражданственность, единое право.

Прогрессъ былъ великимъ и глубокимъ. Но онъ совпалъ съ франко-германской войной, и объединеніе Германіи формально совершилось въ Версали. Теперь безразлично, кто виновенъ въ этомъ: нужна ли была война, чтобы преодолѣть узко-своекорыстную политику Наполеона III, ставившаго препятствія объединенію Германіи, или она была нужна для того, чтобы созданіемъ общаго военнаго командованія преодолѣть партикуляризмъ и взаимное недовѣріе германскихъ дворовъ... Важенъ лишь тотъ фактъ, что объединеніе и расцвѣтъ Германіи, обусловленные преодолѣніемъ средневѣковыхъ традицій, мелочности германскихъ князей и ограниченности нѣмецкихъ «реальныхъ политиковъ», стали связывать съ побѣдами Бисмарка и Мольтке надъ Франціей. Пагубныя послѣдствія этого неисчислимы. Каждый новый шагъ на пути развитія, каждый этапъ на пути культурнаго процвѣтанія, каждая новая мирная и по существу общечеловѣческая побѣда для нѣмцевъ стала носить духовный штампъ колонны побѣды, остроконечной каски Бисмарка. Развитіе Германіи стало разсматриваться не какъ общечеловѣческій успѣхъ, а какъ нѣчто, силой вырванное отъ сосѣдей и у противниковъ. И если пройтись по улицамъ Берлина, то лишь изрѣдка, гдѣнибудь въ тѣни, вы встрѣтите изображенія ученыхъ. На первомъ же планѣ гордые всадники, полководцы, мечи, остроконечныя каски. И, строя свое величіе на напряженномъ и мирномъ трудѣ своихъ ученыхъ, пóтомъ своихъ рабочихъ, нѣмцы все время

были сами увѣрены и другихъ увѣряли, что величіе Германіи построено «кровью и желѣзомъ». Воистину, въ выраженіи, что война сдѣлала Германію великой, а нѣмцевъ маленькими, справедлива лишь вторая часть!

Отъ мысли, что кровью и желѣзомъ создано величіе Германіи въ прошломъ, естественный переходъ — что этимъ же способомъ она обезпечитъ себѣ и будущее. И пышно стала процвѣтать словесность, что «Германія опоздала», что для нея не осталось «мѣста подъ солнцемъ», что для ея рождающихся дѣтей «нуженъ хлѣбъ», что она должна заставить другіе народы «потѣсниться»... Все это пустыя фразы, не имѣющія подъ собой ничего реальнаго. Развитію Германіи никто не ставилъ препятствія. Процессы ея производства давно уже вышли изъ политическихъ границъ: территорія, которой Германія хозяйственно пользовалась, въ три раза превышала территорію самой Германіи, и не было никакихъ препятствій къ дальнѣйшему росту ея. Германскій флагъ развѣвался на всѣхъ моряхъ, такъ же, какъ всякій иной. При общемъ принципѣ свободныхъ дверей во всѣхъ англійскихъ владѣніяхъ германскіе товары, германская производительность проникала въ англійскія владѣнія совершенно легко и свободно. Въ Россіи, въ Ригѣ, въ Лодзи создавались центры германской промышленности, торговыя сношенія съ Россіей развивались стремительнымъ темпомъ, путь на востокъ прокладывался все яснѣе и тверже... Фактическими «колоніями» для Германіи служили Бразилія, Аргентина, Индія, Австралія, Россія, Франція и даже Англія, ибо экономическими связями съ ними строилось хозяйство Германіи. Но не были закрыты перспективы и передъ пріобрѣтеніемъ настоящихъ колоній: соглаше-

ніе съ Англіей относительно Африки и передней Азіи, которое было выработано какъ разъ къ началу войны и должно было быть ратифицировано 4 августа 1914 года, открывало передъ Германіей возможность пріобрѣтенія бельгійскаго Конго и Анголы и созданія, такимъ образомъ, громадной Африканской имперіи отъ береговъ Индійскаго до Атлантическаго океана... Но, какъ результатъ побѣды надъ Франціей, фактическая и духовная власть въ Германіи находилась въ рукахъ феодальной касты, проникнутой духомъ современной профессіональной военщины. Чѣмъ больше росло могущество Германіи, тѣмъ больше было искушеніе опустить это могущество на голову сосѣда-противника, все равно, съ какой стороны. И лихорадочно, какъ въ минуту величайшей опасности, строились корабли, отливались пушки, обучались милліоны людей.

*

Россія для воинственности имѣла еще меньше основаній, чѣмъ Германія. Рѣдкое населеніе, громадныя пространства, безконечныя задачи подъема культуры внутри страны, просвѣщенія народа, развитія производительныхъ силъ и улучшенія матеріальнаго уровня жизни — все это должно было требовать мира во что бы то ни стало. Исторія послѣднихъ войнъ тоже мало способствовала созданію своей собственной идеологіи «крови и желѣза», ибо главные этапы русскаго движенія на пути культуры были связаны въ послѣдній періодъ исторіи не съ побѣдами, а съ пораженіями. И, несомнѣнно, русскій бюрократизмъ, даже вынужденный итти въ ногу съ вооруженіями сосѣдей и финансово

втянутый въ политику окруженія Германіи, былъ настроенъ весьма мирно. Особенно послѣ урока японской войны, когда стала отчетливой опасность международныхъ осложненій для устойчивости внутри.

Зато воинственные тона перенялъ русскій **либерализмъ**, который, начавъ съ мирныхъ, чуть ли не пасифистскихъ тоновъ, сталъ въ послѣднее время давать изъ своей среды публицистовъ, которые могли быть поставлены въ одинъ рядъ съ Рорбахами и Танненбергами.

Причины этого явленія сложны и пестры. Русскій либерализмъ и вообще русская общественность тяготѣли къ вліянію на государственныя дѣла. Но пріобрѣсти непосредственно вліяніе на внутреннія дѣла было трудно: слишкомъ много было тамъ запретныхъ, щекотливыхъ и раздражающихъ темъ. Зато международная политика при слабости идеологическаго мышленія и робости бюрократіи давала значительный просторъ. Тутъ легче всего было установить съ правящими кругами извѣстный контактъ, найти точки солидарности, оказывать «во имя высшихъ интересовъ народа» услуги, подчеркивать свой патріотизмъ и государственную зрѣлость, установить связи съ заграничными политическими кругами, въ особенности въ Англіи и Франціи, начать подсказывать власти рѣшенія и мало-по-малу научиться вліять на нее. И надо сказать, что даже для внутреннихъ отношеній такая политика могла показаться не безплодной. Появленіе патріотизма русской оппозиціи было дѣйствительной реальной услугой правительству; голосъ либераловъ, поддерживающій иностранную политику власти, становился все болѣе необходимымъ, и въ будущемъ уже

открывались перспективы возможныхъ торговъ и сговоровъ: всѣмъ извѣстно, какое значеніе придавалось близости Милюкова къ Сазонову... И мало-по-малу формула: «активная внѣшняя политика нуждается во внутреннихъ реформахъ», или: «нельзя спорить съ внѣшнимъ врагомъ, пока не заключенъ миръ со своимъ собственнымъ народомъ», незамѣтно стала замѣняться въ общемъ тонѣ политическихъ настроеній инымъ положеніемъ: «для ускоренія реформъ внутри нужна активная внѣшняя политика», «ссора съ внѣшнимъ врагомъ заставитъ власть примириться съ народомъ», ибо казалось, что при внѣшнихъ осложненіяхъ само собой власть изъ слабыхъ рукъ трусливой бюрократіи перейдетъ въ болѣе сильныя руки молодой общественности.

Это своеобразное подсознательное если не пораженчество, то тяга къ испытаніямъ, страннымъ образомъ сочеталась съ зарубежными вліяніями идеологовъ побѣдъ и военныхъ успѣховъ. Если русскіе соціалисты широко восприняли идеи германскаго соціализма, молились Лассалемъ, клялись Марксомъ и на міръ Божій смотрѣли черезъ программу, выработанную въ Эрфуртѣ, то точно такъ же русскіе націоналисты невольно поддѣлывались подъ тонъ пангерманскихъ писаній. И, раскрывая соотвѣтствующія страницы Струве и Милюкова, вчитываясь въ планы окруженія Чернаго моря, прислушиваясь къ тону обсужденія международныхъ вопросовъ, мы часто сразу распознаемъ тяжелый, неповоротливый духовный стиль нѣмецкихъ націоналистовъ. Исторически необоснованное, ложное, нелѣпое «кровью и желѣзомъ», пропитывающее духовную жизнь всей несоціалистической Германіи, въ видѣ эха отражалось въ Россіи, гдѣ тоже въ непоколебимой вѣрѣ

въ служеніе культурѣ повторялось: «да, именно, кровью и желѣзомъ»...

*

Но русская военная идеологія не могла быть такой законченной, стройной и послѣдовательной, какъ въ Германіи. Общая структура народной мысли и воли здѣсь была совершенно иная. Въ Германіи идеи пангерманизма разносились до самыхъ глухихъ деревень, до самыхъ затхлыхъ провинціальныхъ угловъ. Въ Россіи же онѣ ограничивались только ближайшими окрестностями столицъ, безпомощно утихая передъ просторными степями, передъ снѣжными равнинами, передъ глухой стѣной народнаго невѣжества. Народная масса жила своими чувствами и представленіями, даже отдаленно не подозрѣвая о томъ, что существуютъ какіе-то конфликты съ другими государствами, и храня на всякій случай въ своей памяти чуть ли не одну единственную военную пѣсню:

Пишетъ, пишетъ царь турецкій
Письмо русскому царю:
«Всю Россію завоюю,
«Самъ въ Россію жить приду».

Для народа всѣ сложныя измѣненія въ иностранной политикѣ отражаются только тѣмъ, что «царь турецкій» замѣняется «царемъ австрійскимъ», или «царемъ англійскимъ», или, какъ въ послѣднюю войну, «германскимъ», причемъ, все равно, пѣсня и ощущенія, вызываемыя ею, не пріобрѣтали ни капли большей реальности: «цари» оставались болѣе похожими на сказочнаго Царя Салтана, чѣмъ на выраженіе сложности и реальности современныхъ запутанныхъ политическихъ проблемъ.

Въ этомъ смыслѣ пріобщеніе русскаго либерализма къ хору міровой политики не явилось пріобщеніемъ русскаго народа, а только разрывомъ русскаго либерализма съ народомъ. Толстой и Горькій гораздо точнѣе и правильнѣе выражали его политическіе взгляды и пророчески указывали путь, который единственно былъ путемъ дѣйствительно національной политики и который долженъ былъ состоять не въ поддакиваніи европейскимъ дипломатическимъ дрязгамъ, а въ полномъ разрывѣ съ ними.

Городская интеллигенція не поняла этого и была наказана послѣдующими событіями. И невольно является искушеніе иллюстрировать эту мысль въ духѣ писаній нашихъ либераловъ. Е. Трубецкой въ уже цитированной нами книжкѣ приводитъ сказаніе о нападеніи языческой Руси при Аскольдѣ и Дирѣ на Царьградъ. Константинопольскій патріархъ, въ страхѣ передъ нашествіемъ, окунулъ въ море ризы Божьей Матери, и небесная сила защитила городъ: поднялась буря и разметала русскія ладьи. «Замѣчательно, — указываетъ Е. Трубецкой, — что церковное пѣснопѣніе, сложенное въ память этого спасенія отъ русскихъ, «Взбранной Воеводѣ побѣдительная», теперь поется во всѣхъ русскихъ церквахъ»... Авторъ видитъ въ этомъ высокій символъ: русскій народъ благодаритъ, что судьба не допустила его недостойными языческими, варварскими руками совершить дѣло, для котораго нужны чистыя руки.

Авторъ вѣрилъ, что теперь эти руки уже достойны совершить подвигъ. Но исторія опровергла эту вѣру. Буря, величайшая изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи, буря ярости и варварства народнаго, разрушила и войско, и флотъ, и все могущество Россіи: въ

послѣдній разъ русскіе политики прежняго поколѣнія заявили свое требованіе на Константинополь, уже находясь въ Парижѣ, изгнанные изъ своей собственной страны своимъ собственнымъ народомъ, — моментъ величайшей поучительности и трагизма за всю эту войну.

ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ.

Довольно о прошломъ. Пора взглянуть и впередъ. Не для того, чтобы пророчествовать, а для того, чтобы самимъ знать, чего хотѣть.

Прошлое оставило намъ въ наслѣдство хаосъ, въ которомъ, на развалинахъ прежней Россіи, Германіи, Австріи и Турціи, безъ твердыхъ границъ, безъ отчетливой организаціи клубится около 250 милліоновъ людей, принадлежащихъ по крайней мѣрѣ 20 различнымъ народамъ. Вѣдь современность полна такихъ политическихъ явленій, какъ Украина и Бѣлоруссія, точный смыслъ которыхъ не ясенъ еще никому; мы видимъ на Кавказѣ мелкіе народы, размежеваніе которыхъ между собой, представляя задачу со многими неизвѣстными, является все же только деталью общаго вопроса объ размежеваніи Россіи и Востока; мы видимъ Литву, которая въ XIV вѣкѣ находила ту форму мирнаго сожительства съ Польшей, которую въ XX вѣкѣ безуспѣшно для нея ищутъ прошенные и непрошенные друзья, опекуны и совѣтчики; и, наконецъ, Польша, съ ея рижской границей на востокѣ, въ которую никто не вѣритъ по ту сторону Вислы, и съ ея Версальской границей на западѣ,

на которую сумрачно киваютъ головой по сю сторону рѣки, — а вѣдь это тоже только частность болѣе общаго, громаднаго и опредѣляющаго вопроса: размежеванія Россіи и Германіи... И какъ ни сложны всѣ эти вопросы, намъ придется ихъ разрѣшить, намъ нужно выйти изъ нынѣшняго неустойчиваго состоянія и установить новый порядокъ.

Новый — только по формѣ или и по существу? Но откажемся отъ прожектерства. Проекты составлять легко: для этого нужна только карта и карандашъ... Но пользы отъ этого мало: сколько проековъ «Великой Россіи», «Великой Германіи», «Срединной Европы», «Прибалтійскаго союза», «Южно-русскаго союза» и пр. уже навѣки сдано въ архивъ. Вопросъ не въ конкретныхъ очертаніяхъ государственныхъ границъ, а въ значеніи государственныхъ границъ вообще. Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ три важнѣйшихъ вопроса, отъ того или иного разрѣшенія которыхъ зависитъ все существо, весь смыслъ завтрашняго дня.

•

Граница между прежней Россіей и прежней Германіей была весьма отчетливой — ибо вся она была, наежившись штыками, пушками, пулеметами, крѣпостями, затянута колючей проволокой, изучена до мельчайшихъ подробностей военными штабами, учтена во всѣхъ извилинахъ и изгибахъ мобилизаціонными планами. Теперь все это разрушено. Въ Германіи осталась небольшая добровольческая армія, а прежняя грозная военная каста вырождается въ бездѣйствіи и безсиліи. Въ Россіи красная армія — лишь небольшіе остатки сломленнаго войной и революціей прежняго громаднаго военнаго

организма. Слѣдуетъ ли возвращаться назадъ? Слѣдуетъ ли возстанавливать изжитое? Не слѣдуетъ ли спокойно признать, что прежнее равновѣсіе, покоящееся на нагроможденіи военныхъ рессурсовъ, сохранилось теперь на основѣ уничтоженія этихъ рессурсовъ, и интересы обоихъ народовъ остались обезпеченными не хуже, чѣмъ раньше? Словомъ, признать, что военный взрывъ привелъ къ тому разоруженію, котораго не могли добиться переговорами на международныхъ мирныхъ конференціяхъ.

Вопросъ по видимости усложняется, а по существу упрощается тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ непосредственной границы между Россіей и Германіей нѣтъ, а между ними воздвигнутъ цѣлый рядъ новыхъ государствъ — Польша, Литва, Латвія, Украина, быть можетъ, Бѣлоруссія. Вмѣсто одной, и такъ уже извилистой и противоестественной, черты — цѣлая сѣть переплетающихся, еще не окончательно установившихся границъ. И достаточно вдуматься въ создавшееся положеніе, достаточно взглянуть на карту и представить себѣ возможный характеръ военныхъ приготовленій, чтобы притти къ заключенію: эти новыя границы военными быть не могутъ. Требованія современной военной техники рѣшительно противорѣчатъ имъ. Достаточно представить себѣ, что Литва будетъ думать о военной защитѣ своихъ предѣловъ отъ Польши, Россіи, Германіи и Латвіи, что Польша будетъ возстанавливать наново стратегическую границу съ Германіей и, кромѣ того, строить еще защиту отъ Россіи и Украины — это значитъ, что всѣ силы и всѣ рессурсы народовъ будутъ истощаться на военное дѣло и притомъ опредѣленно безъ всякихъ надеждъ достигнуть какихъ-либо болѣе или менѣе устойчивыхъ и надежныхъ результатовъ.

Политическія комбинаціи и союзы не упрощаютъ, а усложняютъ дѣло. При безконечномъ количествѣ антагонизмовъ и распрь всѣхъ по отношенію ко всѣмъ ,при чрезвычайной пестротѣ возникающихъ при размежеваніи конфликтовъ, при отсутствіи какихъ-либо установившихся государственныхъ традицій трудно надѣяться, что вся эта волнующаяся масса стремленій и порывовъ, гдѣ преданія прошлыхъ вѣковъ мирно уживаются съ самоновѣйшими передовыми лозунгами, сразу выльется въ устойчивую, опредѣленную политическую группировку. Разнообразныя политическія комбинаціи:

Россія и Польша противъ Германіи...
Германія и Украина противъ Россіи...
Польша и Украина противъ Россіи...
Германія и Россія противъ Польши...
Россія и Польша противъ Украины...
и т. д. и т. д.

будутъ калейдоскопически смѣнять другъ друга. Вѣдь уже теперь каждое изъ названныхъ сочетаній и десятки не названныхъ имѣютъ своихъ дѣйственныхъ сторонниковъ. А присоедините сюда игру другихъ странъ — Франціи, Англіи, Италіи и даже Америки и Японіи... Прикиньте къ счетамъ мыслимыя комбинаціи мелкихъ народовъ — Латвіи, Литвы, Эстоніи... Внесите поправки на возможныя позиціи Румыніи, Чехословакіи, Венгріи — и вы увидите, что не будетъ конца хитросплетеніямъ. Несомнѣнный Гордіевъ узелъ, который можно только разсѣчь!

Технически иного пути нѣтъ, какъ **общій договоръ о разоруженіи всѣхъ государственныхъ границъ** и отказъ отъ содержанія армій. Въ этомъ направленіи всѣми народами

должны быть сдѣланы другъ другу величайшія уступки, съ тѣмъ большей готовностью, что каждая уступка другимъ явится въ то же самое время уступкой себѣ, своему собственному народу, требованіямъ современности и, въ концѣ концовъ, лучше всего обезпечитъ безопасность границъ. Ибо отказъ отъ вооруженной защиты границъ отнюдь не означаетъ уменьшенія ихъ безопасности. Что границы сильны не только крѣпостями и колючей проволокой — доказываетъ граница Канады и Соединенныхъ Штатовъ. Эта граница, раздѣляющая владѣнія Британской имперіи отъ Соединенныхъ Штатовъ, протяженіемъ своимъ превышаетъ границы между Германіей и Россіей. И на ней нѣтъ ни одного укрѣпленія, ни одного форта. Она не защищается, въ сущности, ни однимъ солдатомъ ни съ той, ни съ другой стороны. Но именно поэтому она наиболѣе безопасная и надежная граница въ мірѣ, несмотря на то, что отношенія между обоими государственными комплексами далеко не всегда можно назвать идеальными.

Трудно себѣ представить то новое ощущеніе устойчивости, безопасности и свободы, которое принесло бы народамъ востока Европы ихъ коллективное рѣшеніе — не думать о своей вооруженной защитѣ и военной безопасности. Какое тяжкое бремя снято было бы съ плечъ усталыхъ, поверженныхъ въ прахъ своей бывшей боевой готовностью государствъ, народовъ и людей!

Колючая проволока вооруженныхъ границъ — вотъ первый нашъ врагъ.

*

Такъ же обстоитъ дѣло съ экономическими границами.

Мы уже указывали на тотъ фактъ, что около половины русской внѣшней торговли приходилось на долю Германіи. Опасливые экономисты склонны были дѣлать изъ этого выводъ, что Германія превращаетъ Россію въ свою колонію. Мы же толковали этотъ фактъ иначе: русское народное хозяйство нуждается въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Германіей, и экономическая структура обѣихъ странъ дополняетъ и взаимно обуславливаетъ другъ друга. Поэтому съ чрезвычайной осторожностью и бережливостью слѣдуетъ подходить къ вопросу о взаимоотношеніяхъ, чтобы ихъ не затруднить и не осложнить. Особенно въ настоящее время, когда Россія такъ смертельно голодна товарами, а Германія такъ трагически нуждается въ сырьѣ. Не мелочная подозрительность и завистливость, а лишь широкія и смѣлыя рѣшенія могутъ достойно отвѣтить на великіе запросы и тяжкія нужды современной жизни.

Препятствій и осложненій и такъ выросло неисчислимое множество. Всѣ порты, являющіеся выходами Россіи въ открытый Божій міръ, находятся въ рукахъ новыхъ сложившихся или только слагающихся государствъ. Всѣ важнѣйшія сухопутныя дороги тоже перехвачены новыми государственными образованіями, а нѣкоторыя линіи по нѣсколько разъ: напримѣръ, путь изъ Берлина въ Петроградъ или въ Москву пересѣченъ теперь отъ пяти до семи разъ, и теоретически, а часто и практически, каждый предметъ можетъ быть подвергнутъ таможенному досмотру и сбору отъ десяти до четырнадцати разъ! Какой просторъ для таможенной и тарифной политики, для хитрыхъ расчетовъ о наивыгоднѣйшемъ направленіи грузовъ, объ использованіи «географическихъ конъюнктуръ», о вліяніи въ свою пользу на просачивающійся сквозь тѣснины

товарообмѣнъ. Просторъ не менѣе, чѣмъ въ средніе вѣка, когда проѣзжіе купцы были данниками всѣхъ рыцарей, мимо владѣній которыхъ шелъ путь; или того порядка, который знакомъ Германіи до середины прошлаго вѣка, когда на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ приходилось по нѣсколько разъ мѣнять валюту, подвергаться со всѣмъ своимъ багажомъ подробнѣйшему таможенному досмотру. Мы знаемъ, что экономическій партикуляризмъ Германіи кончился раньше партикуляризма политическаго въ видѣ германскаго таможеннаго союза. И ничего не можетъ поколебать нашей увѣренности, что этотъ финалъ ждетъ также вспышку современнаго національнаго партикуляризма. Только въ направленіи полнаго уничтоженія таможенныхъ границъ мыслима разумная эволюція отношеній, сложившихся нынѣ въ полосѣ между Россіей и Германіей.

Уже техническія соображенія, трудности, связанныя съ таможенной охраной 10-ти тысячъ верстъ переплетающихся границъ, заставляютъ нашу мысль обратиться къ этому рѣшенію. Малыя страны, какъ Латвія, Литва и отчасти Польша, уже почувствовали значеніе этого вопроса. Тотъ, кто знаетъ трудности организаціи таможенной службы въ прежней Россіи, когда приходилось охранять границы съ Германіей, можетъ себѣ представить, что это будетъ стоить правительству, напримѣръ, Литвы, небольшой страны, окруженной со всѣхъ сторонъ сухопутной границей, отдѣляющей ее отъ родственныхъ по состоянію культуры и по быту странъ, раздѣлившей вчерашнихъ кумовьевъ и сосѣдей, отрѣзавшей мелочную лавку въ одной пограничной деревнѣ, отъ ея всегдашнихъ покупателей и кліентовъ въ другой, оказавшихся нынѣ за государственнымъ рубежомъ.

Въ Латвіи даже въ правительственныхъ сферахъ уже поговаривали о необходимости принципа открытыхъ дверей просто изъ-за невозможно высокихъ расходовъ по охранѣ 1600-верстной сухопутной границы.

Нѣтъ сомнѣнія, что самые шумные протесты и возраженія посыплются въ отвѣтъ на предложеніе принципа свободныхъ дверей на всемъ пространствѣ прежней Россіи и Германіи. Земледѣльческій востокъ укажетъ, что свобода торговли остановитъ развитіе и убьетъ въ зародышѣ всю промышленность страны. Въ унисонъ этимъ пессимистамъ будутъ слышны голоса аграріевъ запада, которые будутъ грозить разореніемъ своихъ имѣній вслѣдствіе конкуренціи хлѣба необъятныхъ русскихъ пашенъ.

Но эти аргументы, даже если признать ихъ по существу правильными, не такъ ужъ сильны. На востокѣ аграрныя страны, на западѣ — промышленныя. Если бы пострадалъ германскій рабочій и русскій крестьянинъ, то можно было бы говорить объ опасности жизненнымъ интересамъ народовъ. Но если отъ свободы торговли теряетъ германскій аграрій, а выигрываетъ германскій горожанинъ и рабочій; если недоволенъ русскій промышленникъ, но процвѣтаетъ русскій крестьянинъ, — то положеніе не такъ ужъ страшно.

А, кромѣ того, трудно учесть всѣ прибыли и потери при такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ хозяйство 250 милліоновъ людей. И можно думать, что отсутствіе таможенныхъ ставокъ къ Россіи въ конечномъ счетѣ не разрушало бы, а, наоборотъ, повышало бы ростъ русской промышленности. Вѣдь промышленность является производной общихъ

условій культуры. И если «наводненіе» — будемъ употреблять излюбленное выраженіе германофобскихъ политиковъ — Россіи германскими товарами вызвало бы повышеніе культурныхъ запросовъ русскаго крестьянства, то это настолько повысило бы духъ предпріимчивости и покупательную готовность крестьянъ, что русская промышленность нашла бы наряду съ массой германскихъ товаровъ просторное мѣсто для сбыта и своихъ товаровъ. Покупательная способность страны не есть нѣчто неизмѣнное, постоянное, способное быть лишь дѣлимымъ, но не увеличиваться. Наоборотъ, это мѣняющаяся, растущая величина. И не въ дѣлежѣ, не въ монопольномъ присвоеніи, а въ увеличеніи покупной способности русскаго потребителя заключалась основная проблема и для русской промышленности. Если бы покупная способность или душевое потребленіе Россіи поднялось хоть на половину до уровня Германіи, то это дало бы такой просторъ, передъ которымъ поблѣднѣли бы всѣ возможности, доставляемыя угодливой протекціонной политикой. Но путь къ подъему потребленія и къ предпріимчивости лежитъ не въ отгораживаніи, а въ тѣсномъ пріобщеніи къ западу и его развитію. Нынѣ, относительно Россіи, — мы уже ясно видимъ всю историческую ложность требованій помочь русскому промышленнику въ ущербъ злободневнымъ и насущнымъ интересамъ русскаго крестьянина, отгораживаніемъ послѣдняго таможенной стѣной отъ запада. Русскій крестьянинъ не дождался того времени, пока русская промышленность настолько окрѣпнетъ, что сумѣетъ удовлетворить его запросы и нужды, и въ дикомъ порывѣ своей сегодняшней некультурности онъ смелъ и разрушилъ все вокругъ. Будь уровень жизни русской деревни выше и культурнѣе — этого

разгрома и разрушенія, быть можетъ, не было бы. Русская промышленность была бы прочнѣе и безопаснѣе на почвѣ, насыщенной заграничными товарами, чѣмъ она оказалась, будучи бездарнымъ монополистомъ на почвѣ убогой и безплодной.

Но, оставляя область предположеній и абстрактныхъ размышленій, мы въ той же Германіи видимъ судьбу чисто аграрныхъ странъ, связанныхъ воедино съ промышленнымъ государствомъ. Сравнивая Восточную Пруссію съ сосѣдней ей, аналогичной по почвѣ и климату, Литвой, мы установимъ слѣдующіе факты: въ Пруссіи сельское хозяйство значительно выше, чѣмъ въ Литвѣ (дешевизна сельско-хозяйственныхъ машинъ и искусственныхъ туковъ!), въ Пруссіи покупаютъ товаровъ на голову жителя значительно больше, чѣмъ въ Литвѣ (высокій уровень жизни), и, при всемъ томъ, Восточная Пруссія производитъ товаровъ на голову жителя значительно больше, чѣмъ Литва, ибо она сама, будучи аграрной страной по отношенію къ остальной Германіи, все же должна быть признана страной промышленной по сравненію съ Литвой.

Громадная Россія сама по себѣ была цѣлымъ обособленнымъ міромъ. И въ ней были объединены области съ самой разнородной экономической структурой, гдѣ промышленные районы Москвы, Лодзи, Риги, Урала, Харькова чередовались съ районами сельско-хозяйственными. Но кто рѣшится сказать, что это единство было не благомъ, а зломъ? Почему же дѣло измѣнится, если къ этому комплексу присодинится еще Германія? Гдѣ границы между объединеніями выгодными и невыгодными? Развѣ наряду съ германскими товарами, конкурирующими съ издѣліями русской промышленности, не двинутся такіе товары, какъ машины, химическія ве-

щества, которые будутъ способствовать развитію и процвѣтанію русской промышленности? Развѣ наряду съ германскими товарами не двинутся германскій капиталъ и организованность въ тѣ районы, гдѣ условія благопріятны для развитія промышленности?

Все, что мы говоримъ, не новость. Въ Германіи давно уже слышались требованія объ отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ. Въ Россіи все крѣпло убѣжденіе, что русскій протекціонизмъ давно изъ средства поддержанія промышленности превратился въ путы для нея. Но если въ мирное, нормальное время казалось страшнымъ и рискованнымъ совершать прыжокъ въ неизвѣстное, то наше время, время политическихъ и экономическихъ парадоксовъ, когда въ Германіи хлѣбъ дешевле, чѣмъ въ Россіи, когда государство вынуждено облагать пошлиной не ввозимые, а вывозимые товары, когда низкое состояніе валюты обезпечиваетъ экономическое процвѣтаніе страны — это время какъ разъ наиболѣе приспособлено для широкихъ и смѣлыхъ рѣшеній. О какой-либо «здоровой» обособленной экономической политикѣ, отдѣляющей страны, разрушенныя во всѣхъ отношеніяхъ, отъ странъ, просто разрушенныхъ — можно говорить только въ видѣ ироніи. Поэтому полная отмѣна всякихъ стѣсненій въ хозяйственномъ творчествѣ, возможно болѣе полная свобода развитію экономическихъ связей и взаимоотношеній — вотъ лозунгъ и кличъ, на которомъ должны объединиться всѣ слои и классы всѣхъ народовъ, вдумывающіеся въ свои дѣйствительные интересы.

Таможенный чиновникъ на сухопутной или морской границѣ — вотъ второй нашъ смертельный врагъ!

При полной свободѣ экономической дѣятельности, при отказѣ отъ трусливо-подозрительнаго нагроможденія вооруженныхъ силъ — государственная черта теряетъ свой прежній характеръ и легко и свободно можетъ быть согласована съ прихотливыми извивами этнографическихъ границъ.

Въ вопросѣ о новообразовавшихся національныхъ государствахъ политика Россіи и Германіи можетъ направиться по тремъ различнымъ путямъ.

Первый путь — продолженіе соперничества между Россіей и Германіей изъ-за окраинъ, отчаянныя попытки втянуть въ свою орбиту неустановившуюся политику окраинныхъ государствъ. Но этотъ путь обреченъ на неудачу. Попытки убѣдить народы изъ страха передъ Россіей сдаться Германіи или изъ страха передъ Германіей отдаться Россіи — слишкомъ софистичны. Страхъ передъ смертью не долженъ приводить къ самоубійству, страхъ передъ давленіемъ на востокѣ не долженъ парализовать сопротивленія на западѣ, и наоборотъ. На всѣ экономическія, политическія и бытовыя соображенія, съ одной стороны, немедленно будутъ даваться парализующія возраженія другой стороной. И какъ ни плохо, напримѣръ, современное положеніе Польши, она едва ли имѣетъ основаніе вздыхать по временамъ гакаты въ Познани или политики Гурко въ Царствѣ Польскомъ. Игра двухъ могущественныхъ вліяній на балканизированномъ востокѣ Европы не приведетъ ни къ чему иному, какъ къ мелочнымъ треніямъ, вѣчной подозрительности, періодически вспыхивающей тревогѣ передъ осложненіями, мѣшающими и разрушающими жизнь какъ малыхъ странъ, такъ и ихъ великихъ сосѣдей.

Но если не соперничество изъ-за окраинныхъ областей, то, быть можетъ, соглашеніе и ихъ новый

раздѣлъ? Въ русскихъ бюрократическихъ и военныхъ кругахъ часто высказывалась увѣренность, что наступилъ часъ, когда войска Германіи и Россіи какъ союзники вступятъ въ Варшаву, а можетъ быть, и Ригу, Ревель, Вильну и Двинскъ. Такія рѣчи и мысли не невозможны и въ германскихъ кругахъ. Развѣ не блестящій планъ: раздѣлъ Польши, можетъ быть, Литвы и Прибалтики — въ возмѣщеніе за усиленіе Россіи Галиціей, словомъ, ударъ меча, разсѣкающій Гордіевъ узелъ окраинныхъ національныхъ вопросовъ!...

Но что же дальше? Возобновленіе гакаты со стороны республиканской Германіи и столыпинскій націонализмъ со стороны новой Россіи? Какія надежды могутъ быть, что окраинные народы, уже испробовавшіе національную жизнь, окажутся менѣе стойкими въ защитѣ своихъ требованій и привиллегій, чѣмъ Ирландія или Египетъ? Но вѣдь англичане на другой день послѣ ослѣпительной побѣды идутъ на уступки Египту и вынуждены уступить Ирландіи. Раздѣленные народы будутъ стремиться къ новому объединенію, покоренные — къ освобожденію, и каждый новый день, углубляя сознаніе человѣческихъ правъ на свободу и самоуправленіе, будетъ вооружать покоренные народы для борьбы и лишать побѣдителей средствъ господства. Не забудемъ: четыре важнѣйшихъ политическихъ документа послѣднихъ лѣтъ, опредѣляющіе собой все содержаніе современной европейской международной жизни: русскій «Манифестъ ко всѣмъ народамъ Міра», вильсоновскіе 14 пунктовъ, Брестскій договоръ и Версальскій договоръ, при всемъ ихъ различіи и даже противоположности, сходятся только въ одномъ — въ вольномъ или невольномъ признаніи права народовъ на самоопредѣленіе, и какъ разъ

этой своей стороной они оказались наиболѣе дѣйственными и по результатамъ — прочными.

Вспомнимъ уроки войны. Сперва могло казаться, что война сплачиваетъ народы подъ государственной властью. Лойяльность поляковъ Царства Польскаго по отношенію къ Россіи и лойяльность поляковъ Галиціи по отношенію къ Австріи способна была ввести въ заблужденіе. Но даже въ подчеркиваніи лойяльности былъ моментъ собственнаго выдѣленія — вспомнимъ легіоны Пилсудскаго. Это стало ясно уже въ теченіе войны. Еще оба соперника стояли во всеоружіи другъ передъ другомъ, опустошая и разрушая поля Польши, но міру было ясно: безразлично, кто устоитъ, кто изнеможетъ въ борьбѣ — Польша во всякомъ случаѣ побѣдитъ.

И не одна Польша — но и другіе народы, даже не знавшіе раньше своей политической организованности. Руссофобы и германофобы, прорицавшіе по адресу другъ друга расчлененіе и развалъ, оказались на этотъ разъ правы. Конечно, и тѣ и другіе относили свои предсказанія лишь на счетъ противника. Но судьба не знаетъ двухъ мѣрокъ, и правильное по ту сторону Вислы оказалось правильнымъ и по сю. Можно ли обратить теченіе исторіи вспять?

Остается третій, единственно правильный, успѣшный и современный путь; признаніе права народовъ на полное политическое самоопредѣленіе и новое устройство Востока Европы не противъ требованій народовъ, а считаясь съ ихъ желаніями и ихъ свободой. Такая постановка вопроса, конечно, для перваго времени заключаетъ въ себѣ не малыя трудности, экономическія сложности и нескладности. Но въ дальнѣйшемъ она своей есте-

ственностью, устойчивостью откроетъ путь мира, спокойствія и безграничной культурной работы. Примиреніе съ Польшей дастъ Германіи больше, чѣмъ потеря части Верхней Силезіи и Познани. Свободная Эстонія болѣе обезпечитъ свободу выхода Россіи въ море, чѣмъ насильственная инкорпорація ея. Обоюдное соглашеніе о признаніи Латвіи и Литвы будетъ служить болѣе надежной связью между Россіей и Германіей, чѣмъ проведеніе смежной границы по живому тѣлу разорванныхъ народовъ. И соглашеніе Россіи, Германіи и Польши, какъ ни утопично, фантастично и противоестественно звучитъ это для нашихъ дней, является реальной заботой для всякаго, кто хочетъ создать прочный миръ, органически вытекающій изъ запросовъ современной жизни.

Такое примиреніе трудно? Но оно гораздо легче и проще, чѣмъ тайный раздѣлъ или ревнивое соперничество изъ-за того, что ни Германіи, ни Россіи никогда принадлежать болѣе не будетъ.

Конечно, взъерошенная толпа мелкихъ національзмовъ — зрѣлище не слишкомъ пріятное. Но русскимъ и германскимъ націоналистамъ нечего на это пенять: въ малыхъ размѣрахъ здѣсь они могутъ полюбоваться на самихъ себя. Если Германія и Россія считали себя недавно въ правѣ присваивать всю Польшу, то развѣ можно удивляться, что польскіе политики, воспитанные на традиціяхъ русской и прусской государственности, теперь нѣсколько беззаботны относительно сосѣднихъ чужихъ губерній и округовъ... Надо, наконецъ, сойти съ этой болотистой, вязкой, затягивающей почвы и поискать болѣе прочную опору подъ собой. Надо начать борьбу съ политическими суевѣріями и предразсуд-

ками, съ экономическими лжеученіями, съ отравой, завѣщанной русской и прусской офиціальной государственностью. Надо вдумчиво всматриваться въ существующія распри и раздоры, надо заботливо отыскивать слабыя мѣста въ бронѣ узкаго національизма. И конечный успѣхъ русскаго и германскаго мирнаго воздѣйствія съ обѣихъ сторонъ не заставитъ себя долго ждать.

Не только Германіи и Россіи, но и другимъ народамъ принадлежитъ земля и свѣтъ и мѣсто подъ солнцемъ. Смотрите, какая пестрая, но яркая и веселая толпа: сумрачный, съ виду нескладный, но духовно устойчивый *латышъ*, изъ школы тяжкаго соціальнаго рабства вышедшій дѣловымъ и практичнымъ демократомъ; *литовецъ*, который подъ примитивностью жизни и внѣшне несложнымъ бытомъ сохранилъ преданія далекаго и таинственнаго прошлаго и въ мирный трудъ вноситъ то упорство, съ которымъ онъ нѣкогда отстаивалъ свой древній языкъ и духовный складъ; горсточка *эстовъ*, одна изъ самыхъ маленькихъ націй въ мірѣ, успѣшно противопоставляетъ свою культуру и организованность германской и русской стихіи и, добиваясь равноправія и политической свободы, свидѣтельствуетъ о величіи нашей эпохи не меньше, чѣмъ громадныя пространства Россіи или напряженное развитіе Германіи; а тамъ, на границѣ Азіи, пылкій, добродушный, благородный *грузинъ*, бьющійся надъ сочетаніемъ первобытныхъ условій жизни съ передовыми требованіями высшихъ идеаловъ; рядомъ съ нимъ *армянинъ*, сочетающій послѣднія искорки живой эллинской культуры съ восточной страстностью и европейски-дѣловой смышленостью; море *украинцевъ*, гдѣ все дышитъ молодостью и задоромъ, такъ что трудно различить въ настроеніяхъ мимолетное

отъ прочнаго и сложившагося, но гдѣ повсюду видны признаки силы, бьющей черезъ край; и, наконецъ, *поляки*, великій духомъ культурный народъ, возстановленіе котораго въ естественныхъ границахъ являлось бы счастіемъ и оздоровленіемъ для всей Европы, а прежде всего для Россіи и Германіи. Все это лишь матеріалъ. Его достаточно для возстановленія въ лицахъ библейскаго сказанія о вавилонскомъ смѣшеніи языковъ. Но оно же можетъ быть превращено въ братство дружно живущихъ, процвѣтающихъ, другъ другу помогающихъ народовъ, въ малую лигу народовъ, одинъ изъ основныхъ устоевъ Лиги народовъ всей земли. Отъ Германіи и Россіи зависитъ выборъ.

Національная узость и тупая подозрительность — вотъ нашъ главнѣйшій врагъ.

*

До сихъ поръ мы разбирали отношенія между Германіей и Россіей, такъ сказать, съ отрицательной стороны. Но одновременно съ отрицаніемъ намѣтилась и положительная картина: просторное общежитіе народовъ отъ Рейна до Тихаго Океана — поле достаточно широкое для самаго фантастическаго развитія и перевоплощенія человѣческихъ массъ. Подумать только: змѣйки поѣздовъ, весело бѣгущія во всѣхъ направленіяхъ по безграничнымъ пространствамъ, пароходы и баржи, везущіе грузы по свѣтлымъ извивамъ рѣкъ и каналовъ, медленное, но неуклонное продвиженіе съ запада на востокъ дымящихъ фабричныхъ трубъ, первобытные просторы, раскрывающіе свои богатства и сокровища, примитивность и развалъ, уступающіе подъ натискомъ

сложности и организованности, высокая техника и методичность, сочетающіяся съ гигантскимъ напряженіемъ воли, чувства и мысли!...

Въ этой, кажущейся фантазіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственно реальной картинѣ, быть можетъ, совсѣмъ недалекаго будущаго остается неяснымъ одинъ вопросъ:

— Что же за Рейномъ?

— Что же за берегами Тихаго Океана?

ГЕРМАНІЯ, РОССІЯ И АНТАНТА.

Прекращеніе вражды между Германіей и Россіей, хозяйственное ихъ сближеніе и общее стушевываніе государственныхъ границъ является лишь формой, въ которую можно влить самое разнообразное содержаніе. И уже имѣются признаки, что найдется не мало охотниковъ вливать въ новые мѣхи старое вино международнаго авантюризма, тревогъ и вражды.

Да, — скажутъ новые Рорбахи, Струве и Милюковы, — военныхъ границъ не должно быть между Германіей и Россіей, но это вовсе не значитъ, что эти страны должны отказаться отъ вооруженій вообще: лишь остріе ихъ и тяжесть должны быть направлены не другъ противъ друга, а противъ общихъ противниковъ. Обѣ страны въ настоящее время находятся въ чрезвычайномъ униженіи, обѣ растеряли свое великодержавіе, обѣ выбиты изъ колеи міровой политики, обѣ политически безсильны, экономически безпомощны, стратегически безоружны. И въ то время, какъ западныя страны являются владыками всего міра, наслаждаясь господствомъ надъ нимъ, Россія и Германія стоятъ передъ долгой, упорной и отчаянной борьбой за свое право жить. И такъ какъ интересы обѣихъ странъ совпадаютъ, то усилія ихъ должны быть

объединены. Поэтому — Германія и Россія противъ Франціи, противъ Англіи, противъ мелкихъ, безъ году недѣля существующихъ, враждебной рукой слѣпленныхъ государствъ, поэтому отчаянное вооруженіе сперва Россіи при помощи Германіи, потомъ Германіи при помощи Россіи, съ переносомъ линіи стратегическаго развертыванія на Рейнъ. Окраинныя государства? Противорѣчія интересовъ? Все это должно быть преодолѣно — гдѣ дипломатіей, гдѣ силой оружія. И покамѣстъ въ тиши, а какъ наступитъ срокъ, то и явно обѣ страны, оба великіе народа, если только не хотятъ погибнуть, должны готовиться къ великой борьбѣ за существованіе. И какой просторъ мечтамъ и надеждамъ! Кто можетъ устоять передъ напоромъ 250-милліонной человѣческой массы, сплошнымъ океаномъ покрывающей $^1/_5$ часть земной суши, организованной одной волей, объединенной общей страстью и желаніемъ! Мелкія государства только хрустнутъ. Франція только застонетъ. И въ Версали, въ третій разъ, будетъ перевернута страница исторіи и закрѣплено новое политическое единство, сила котораго сказалась на полѣ битвъ.

Надо признать, что въ подобныхъ планахъ есть своя доля дѣйственности и силы. Они легко укладываются въ головы, привыкшія къ разсужденіямъ на тему о «крови и желѣзѣ», о томъ, что вся исторія только борьба народовъ другъ съ другомъ за право жить. И при сохраненіи въ мірѣ общаго традиціоннаго тона прежней политики — съ подобными планами неизбѣжно придется считаться, какъ съ замѣтнымъ факторомъ европейской, а быть можетъ, и міровой политики.

Тонъ подобныхъ разсужденій для насъ привыченъ. Но жизнь уже ушла такъ далеко, что во всей

этой идеологіи борьбы нѣтъ, въ сущности, ни тѣни реализма.

Что можетъ дать вооруженный путь? Отрицательныя стороны наглядны и несомнѣнны. Новыя вооруженія, если вступить на ихъ скользкій путь, потребуютъ безконечно большихъ жертвъ. Вѣдь только послѣдняя война вполнѣ раскрыла, что значитъ современное вооруженное столкновеніе народовъ. Ея опытъ и уроки показали, что во время войны все должно быть принесено въ жертву борьбѣ. Слѣдовательно, при подготовкѣ къ войнѣ все заранѣе къ этому должно быть подготовлено и приспособлено: желѣзныя дороги, фабрики, промышленность, дома и строенія въ районахъ, гдѣ можетъ развернуться борьба, и, наконецъ, сами люди. Милиція станетъ не избавленіемъ отъ казармы, но, наоборотъ, казармой, распространенной на всѣ дома, жилища и всѣхъ людей. Школа, воспитаніе — все должно быть направлено къ одной цѣли, и духъ долженъ быть закованъ въ военную броню. Все должно быть покрыто военной тайной, всякое изобрѣтеніе должно стать національнымъ секретомъ, а всякій иностранецъ долженъ разсматриваться какъ шпіонъ и соглядатай — вотъ требованіе лишь подготовки современной войны.

Требованія увеличились, а возможности уменьшились. Духъ людей сталъ уже не тотъ. И слѣпого повиновенія зову государства ожидать отъ современной личности болѣе нельзя. А, кромѣ того, востокъ Европы уже не тотъ, что былъ прежде. Обезличивающія государственныя системы развалились. Появилась пестрота народовъ и стала неустранимымъ фактомъ. И если можно надѣяться, что народы можно убѣдить принять участіе въ общемъ свободномъ, мирномъ и солидарномъ твор-

чествѣ, то впрячь въ коленицу великодоржавныхъ фантазеровъ ихъ не удастся уже никогда.

Болѣе того, встаетъ со всей остротой вопросъ, можетъ ли выдержать подобное испытаніе само намѣчающееся въ будущемъ сближеніе Россіи съ Германіей. Какъ ни многочисленны интересы, которые толкаютъ Россію въ сторону Германіи, все же эти интересы не таковы, чтобы побудить Россію окончательно связать съ этимъ сближеніемъ свою судьбу. Россія, въ сущности, покамѣстъ не имѣетъ ясно фомулированныхъ, отчетливыхъ претензій къ своимъ бывшимъ союзникамъ. Ея стремленіе къ сближенію съ Германіей отнюдь не продиктовано желаніемъ противопоставить себя этимъ всему остальному міру. Не рѣшеніе: «Съ Германіей противъ Антанты», не колеблющійся выборъ: «Или съ Германіей или съ Антантой», а скорѣе синтетическая формула: «И съ Германіей и съ Антантой», является руководящимъ выраженіемъ интересовъ Россіи въ области международной политики. Болѣе того, можно думать, что при постановкѣ вопроса: «Или Германія или Антанта», выборъ Россіи падетъ на сторону прежнихъ союзниковъ, съ которыми связываютъ политическія традиціи, личныя отношенія. Во всякомъ случаѣ, при такой постановкѣ вопроса настроенія русскаго народа могутъ раздѣлиться на два теченія, одинаково сильныя, которыя будутъ другъ друга ослаблять и парализовать и дѣлать возможной только позицію полнаго нейтралитета... Не для того русскій народъ бросилъ оружіе на Нѣманѣ и Вислѣ, чтобы начать сражаться на Рейнѣ! Въ случаѣ открытой борьбы съ Антантой — Германія останется одна. Кто утверждаетъ иное, тотъ или самообольщающійся фантазеръ, или нарочно обманываетъ другихъ. Если Германія до-

рожитъ сближеніемъ на востокѣ — она должна сохранять миръ на западѣ!

Но еще болѣе суровыя перспективы открываетъ сама борьба. Не говоря о жертвахъ, которыя теперь требуетъ самая удачная война, не говоря о разрушеніяхъ, о милліонахъ новыхъ могилъ и десяткахъ милліоновъ новыхъ калѣкъ, развѣ можно когда-либо предсказать навѣрно успѣхъ: сколько блестящихъ расчетовъ обмануто во время послѣдней войны! И первый походъ на Парижъ, окончившійся пораженіемъ на Марнѣ. И попытки союзниковъ проломить нѣмецкій фронтъ. И экспедиція на Галлиполи, и предположенія о значеніи выступленія Румыніи, и увѣренность Людендорфа лѣтомъ 1918 года, что побѣда Германіи неотвратима, и расчеты на результаты подводной войны, которые такъ блестяще оправдались въ первые мѣсяцы для того, чтобы окончиться полнѣйшей неудачей въ концѣ. А весь результатъ войны, необычность и неожиданность котораго многіе не хотятъ понять? Сколько непредвидѣнныхъ факторовъ входитъ въ нынѣшнее неизбѣжно космическое столкновеніе громадныхъ человѣческихъ и притомъ такихъ новыхъ массъ. И если въ мирное время современныя массы загадочны и особливы, то во время войны они дѣлаются загадочными и болѣзненными, и каждый моментъ можно ожидать непредвидѣнныхъ явленій, безпрецедентныхъ осложненій, примѣръ чему передъ глазами у всѣхъ: небывалый народный взрывъ въ Россіи, когда пожаръ фронта распространился внутрь страны. Германія тоже не избѣжала бы этой участи, если бы хоть на одну недѣлю затянула миръ — и все же собственными германскими пулями и снарядами оказался поврежденнымъ тотъ балконъ дворца, съ котораго Вильгельмъ объявилъ

народу: «Теперь мы будемъ бить». Кто рѣшится вновь принимать такія рѣшенія? А разъ нельзя рѣшиться на войну, то зачѣмъ же готовиться къ ней?

И что можетъ дать успѣхъ? Какія конкретныя цѣли можетъ преслѣдовать реваншъ? Предположимъ, что Россіи и Германіи соединенными силами удалось бы сломить Францію и Англію такъ, какъ союзники въ настоящей войнѣ сломили срединныя державы. Что же дальше? Новый Версальскій миръ, въ которомъ положеніе Франціи заняла бы Германія, а положеніе Англіи получила бы Россія? Но развѣ состояніе этихъ странъ, дѣйствительно, настолько завидно, чтобы стоило стремиться встать въ ихъ положеніе? Развѣ новый Версальскій миръ не оказался бы такимъ же невыгоднымъ для новыхъ побѣдителей, какъ Версальскій миръ для прежнихъ? Не вынуждены ли были бы новые побѣдители, достигнувъ войной господства, на другой день послѣ побѣды своими же руками разрушать его?

*

Невозможность, или, во всякомъ случаѣ, чрезвычайная рискованность, если не безнадежность новой вооруженной борьбы заставляетъ многихъ качнуться въ иную сторону и признать неизбѣжность и окончательность сложившихся взаимоотношеній, основанныхъ на господствѣ однихъ и пораженіи и безсиліи другихъ.*)

Война закончилась для союзниковъ болѣе чѣмъ блистательно. Имъ удалось окончательно сломить

---

*) Въ русской публицистикѣ наиболѣе яркое выраженіе такихъ «резиньяціонныхъ» настроеній дано въ извѣстныхъ статьяхъ *И. Бунакова.*

и обезсилить Германію, взять ея флотъ, обезоружить, словомъ, разгромить полнѣе и всестороннѣе, чѣмъ это могла бы предсказать самая пылкая фантазія военныхъ писателей и націоналистовъ. Но если для достиженія побѣды имъ удалось мобилизовать весь міръ: и безконечныя людскія массы русскихъ полей, и головокружительную технику Америки, и хитрую, осмотрительную политику Японіи, — то къ моменту дѣлежа колоссальной добычи Америка устранилась сама, а Россія выбыла изъ числа международно существующихъ державъ. И если въ началѣ войны нельзя было надѣяться на такую полную побѣду надъ Германіей, которая далась въ концѣ 1918 года, то ужъ тѣмъ болѣе нельзя было разсчитывать, что въ состояніи побѣжденнаго, не уменьшая, а увеличивая размѣръ добычи, окажется самый сильный союзникъ. И Германія и Россія одновременно оказались совершенно обезсиленными, вышедшими изъ состава великихъ державъ и изъ субъектовъ, требовавшихъ себѣ мѣста подъ солнцемъ, превратились въ объекты, въ то мѣсто подъ солнцемъ, которое требовалось лишь раздѣлить. Весь Божій міръ лежитъ распростертый передъ побѣдителями. Соперниковъ нѣтъ, и вопросъ, повидимому, можетъ итти только о томъ, какъ организовать и закрѣпить господство, какъ установить новый порядокъ, воскрешая, уже во всемірномъ масштабѣ, древній Pax Romana. И почему бы его не назвать Pax Anglosaxonica?

Не прошло два года. И тонъ начинаетъ понемногу мѣняться. На каждомъ шагу растутъ препятствія и помѣхи. Будущее становится все тревожнѣе и мрачнѣе.

Болѣе всего чувствуется это во **Франціи**. Она наиболѣе пострадала отъ войны — и потерей своихъ

сыновъ и разрушеніемъ цвѣтущихъ сѣверныхъ областей. Она стоитъ лицомъ къ лицу съ Германіей, которая численно больше ея. Она не можетъ не чувствовать рокового значенія времени: населеніе Франціи не растетъ, просторы же ея владѣній выросли чрезвычайно, а рядомъ — растущая Германія, сдавленная со всѣхъ сторонъ. Это явное противорѣчіе не сулитъ блага въ будущемъ. Выхода два: или физически уничтожить Германію, или найти примиреніе съ ней. Кейнесъ увѣряетъ, что Клемансо былъ сторонникомъ именно перваго плана, что Версальскій миръ въ своихъ экономическихъ постановленіяхъ разсчитанъ на физическое уничтоженіе германской націи, на уничтоженіе въ ней милліоновъ 15-ти. Но если подобный планъ и могъ существовать, то теперь очевидно, что этотъ планъ проведенъ быть не можетъ. Германія жива, растетъ и даже не особенно тревожится изъ-за шума о примѣненіи суровыхъ версальскихъ велѣній. Банкротство государства не нарушаетъ скромнаго бюджета нѣмецкой семьи, привыкшей во время войны къ подлинно спартанскимъ лишеніямъ. Дѣтей же рождаетъ и воспитываетъ не государство, а семья.

Но если бы Германію и можно было уничтожить, то, вѣроятно, Франція первая возразила бы противъ этого. Ибо если будущее — по концепціи французскихъ имперіалистовъ — требуетъ физическаго уничтоженія Германіи, то настоящее не менѣе требовательно нуждается въ томъ, чтобы Германія платила. Бюджетъ Франціи послѣ побѣды равенъ свыше 40 милліардамъ франковъ, изъ коихъ сама Франція можетъ уплатить не болѣе половины. Долгъ Франціи изъ 40 милліардовъ выросъ до 266 милліардовъ франковъ. Уплата однихъ процентовъ по этимъ страшнымъ суммамъ съѣдаетъ

львиную долю того, что могутъ дать плательщики въ самой Франціи. Поэтому Германія должна платить, платить и платить, — для этого она должна работать полнымъ ходомъ, и ее нельзя уничтожать. Но тогда, замыкая порочный кругъ французской политической діалектики, возникаетъ прежній вопросъ о соотношеніи силъ между Германіей и Франціей въ самомъ близкомъ будущемъ.

Тутъ коренное противорѣчіе тезы и антитезы въ политикѣ Франціи. Въ настоящее время Франція сильна, и ей принадлежитъ безспорная военная гегемонія въ Европѣ. Силъ одной современной Франціи совершенно достаточно для любыхъ дальнѣйшихъ разрушеній въ Европѣ. Занятіе Рурской области, которое Франція въ любое время можетъ осуществить сама своими собственными силами, однимъ ударомъ можетъ разрушить весь промышленный механизмъ Германіи и обречь въ ней милліоновъ 15 на голодъ и эмиграцію. Но, не говоря уже объ отношеніи всего міра къ подобной операціи, экономическій хаосъ въ Европѣ отразился бы чрезвычайно тягостно на положеніи самой Франціи и для ближайшихъ лѣтъ потребовалъ бы лишь увеличенія расходовъ безъ всякихъ шансовъ на увеличеніе доходовъ, даже если предположить невозможное, т. е. что хаосъ Центральной Европы не перебросился бы на западъ черезъ Рейнъ... Прежде, чѣмъ разрушать, Франціи необходимо сбалансировать свой бюджетъ, а для этого нужно не разрушеніе срединной Европы, а возстановленіе ея. Но если Европа возстановится, то кончится и военное преобладаніе Франціи. Словомъ, какъ ни кинь, выходитъ одно: теперешнее могущество и преобладаніе Франціи должно склоняться къ концу.

Современное положеніе Франціи, въ сущности, стало хуже, чѣмъ было до войны. До войны у нея былъ вѣрный союзникъ и другъ — Россія. Но теперь Россія не имѣетъ никакихъ основаній быть съ Франціей противъ Германіи. Уже самый вопросъ о платежахъ Германіи рѣзко отдѣляетъ Россію отъ Франціи. Если Франція хочетъ, чтобы Германія платила невозможное, если Германія соглашается платить въ предѣлахъ силъ своихъ, — то для Россіи непріемлемы оба эти рѣшенія. Для нея жизненно необходимо, чтобы капиталъ, образовывающійся въ трудолюбивой, предпріимчивой Германіи, шелъ не только принудительно и противоестественно на западъ — въ карманы парижскихъ рантьеровъ, на орошеніе безводныхъ пустынь Сахары, на закрѣпленіе военнаго преобладанія Франціи... Россіи нужно, чтобы капиталъ шелъ, повинуясь естественнымъ позывамъ, и на востокъ, поднимая производительность, организуя трудъ на громадныхъ пространствахъ Россіи. Россія будетъ рада всякому капиталу: американскому, французскому, англійскому. Но самымъ дешевымъ капиталомъ для нея, несомнѣнно, будетъ германскій. Во всякомъ случаѣ, необходима конкуренція, а не монополія одной группы капиталистовъ. Если весь финансовый механизмъ будетъ построенъ на расчетахъ Версальскаго мира, то это создастъ міровую капиталистическую монополію въ рукахъ Франціи и Англіи. Финансовое порабощеніе Германіи ведетъ за собой такое же порабощеніе Россіи. Вѣдь всѣ обѣщанія финансовой помощи Россіи со стороны прежнихъ союзниковъ даются подъ условіемъ признанія старыхъ обязательствъ. Между тѣмъ Россія, въ значительной степени изъ-за этихъ обязательствъ втянутая въ систему окруженія Германіи, въ правѣ

считать, что войной и разрухой она въ достаточной степени заплатила всѣ свои долги. Все это такъ очевидно, что ни увѣренія горсточки русскихъ, нашедшихъ пріютъ въ Парижѣ и Лондонѣ и все еще не теряющихъ надежды примазаться къ побѣдителямъ, ни неожиданная, даже озадачивающая покладистость совѣтскихъ представителей не обольщаютъ трезвыхъ и въ этомъ отношеніи дальновидныхъ западныхъ политиковъ. Поэтому естественны судорожныя попытки найти на востокѣ Германіи суррогаты Россіи, въ видѣ Польши или малой Антанты. Но уже теперь видно, что эти суррогаты лишь стоятъ новыхъ денегъ и не могутъ достичь и малой доли того значенія, которое имѣла Россія, а, между тѣмъ, собственное положеніе Польши и ея стремленіе къ неестественному расширенію лишь усложняетъ задачи самой Франціи и заставляетъ съ особой тревогой думать о тѣхъ осложненіяхъ и трудностяхъ, которыя возникнутъ на востокѣ въ день возрожденія Россіи, когда, при новомъ урегулированіи русской западной границы, Франціи, въ силу традицій ея политики послѣднихъ лѣтъ, придется быть противъ всей, единодушной въ этомъ вопросѣ, Россіи.

*

Франція до войны имѣла на сушѣ и на морѣ одного противника: Германію. Англія же имѣла двухъ: Германію на морѣ и Россію на сушѣ. Лишь въ послѣднее время подъ вліяніемъ безпокойной политики Германіи совершился выборъ — соглашеніе съ сухопутнымъ противникомъ и борьба съ морскимъ. Но усиленіе Россіи въ средней и передней Азіи, казавшееся неизбѣжнымъ въ случаѣ удачи

войны, не могло не безпокоить и не тревожить англійскихъ политиковъ. Но невѣроятно счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ уничтоженіе морского противника оказалось купленнымъ цѣною уничтоженія противника сухопутнаго. Естественно поэтому, что въ моментъ заключенія мира Ллойдъ Джорджъ говорилъ, что никогда еще въ исторіи передъ Англіей не было такихъ блестящихъ и широкихъ перспективъ.

Но нынѣ, открывая англійскія газеты, вдумываясь въ положеніе величайшей имперіи, мы видимъ, что Англія имѣетъ заботъ и тревогъ не менѣе, чѣмъ Франція. Англіи принадлежитъ полъ міра — но она до сихъ поръ не можетъ справиться съ небольшимъ, споконъ вѣковъ ей принадлежащимъ, подъ ея бокомъ существующимъ ирландскимъ народомъ. Вѣроятно, формула мирнаго сосуществованія будетъ найдена. Но покамѣстъ ея нѣтъ, и трудно судить, насколько эта формула будетъ отличаться отъ полнаго удовлетворенія требованій ирландской независимости. Лойяльность Канады, Австраліи, Южной Африки доказана наглядно во время войны. Но только закончилась война — всѣ доминіумы въ одинъ голосъ требуютъ себѣ большихъ правъ въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ. Англійскіе политики пытаются направить мысль своихъ заморскихъ соотечественниковъ въ рамки федеративнаго переустройства Британской имперіи и созданія общеимперскихъ органовъ. Но они сами не рѣшаются даже предложить проектъ такого переустройства, такъ какъ это сразу заставило бы насторожиться свободолюбивую мысль доминіумовъ, и политическая практика послѣднихъ идетъ въ иномъ направленіи: Австралія ведетъ свою собственную политику въ

Тихомъ Океанѣ, мало считаясь съ интересами «матери-страны», въ Канадѣ формулируются политическіе тезисы, смыслъ которыхъ — полная суверенность страны въ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлахъ. Въ Южной Африкѣ партія націоналистовъ уже ведетъ открытую парламентскую и внѣпарламентскую борьбу за полное отдѣленіе отъ Англіи, выставляя тезисъ, что Южная Африка связана лишь единствомъ конституціоннаго короля, но конституціонный король долженъ подчиниться волѣ народа даже въ томъ случаѣ, если эта воля, свободно выраженная путемъ плебисцита, выскажется за уничтоженіе королевской власти. Эта партія уже заставила два раза назначать навые выборы въ южноафриканскій парламентъ, и въ настоящее время до большинства ей недостаетъ всего 24-28 голосовъ изъ 134. Еще болѣе тревогъ доставляетъ судьба Индіи, гдѣ для растущаго и стихійно ширящагося національнаго движенія англійскіе юристы и политики тщетно пріискиваютъ соотвѣтствующихъ компромиссныхъ рѣшеній и формъ. И неудивительно — вѣдь англичане сами, своей культурной дѣятельностью вынуждены подрывать свое господство въ странѣ. Раньше, когда громадная страна была раздѣлена на физически разобщенныя части, не имѣющія сношеній между собой, неспособныя къ общему управленію, стѣсненныя въ развитіи застывшимъ кастовымъ устройствомъ, господству англичанъ могли грозить только разрозненныя вспышки отчаянныхъ бунтовъ и возстаній. Но теперь телеграфъ, почта, желѣзныя дороги, школы, газеты связываютъ страну въ одно административное и духовное цѣлое, разрушаютъ касты, стушевываютъ партикуляризмы, создаютъ основу для созданія національнаго единства. Сами англичане вынуждены сознаться въ томъ, что ихъ господство въ

Индіи держится лишь на томъ, что культура и ростъ національнаго сознанія захватили покамѣстъ еще только города, гдѣ изъ 240 милліоновъ живетъ всего около 10. Но сами англичане, однимъ фактомъ современной эксплуатаціи Индіи, вынуждены способствовать росту городовъ и проникновенію культуры вглубь страны, въ деревенскій бытъ, т. е. вынуждены рубить тотъ сукъ, на которомъ сидятъ. Индія принадлежитъ Англіи лишь потому, что англійское вліяніе тамъ еще недостаточно сильно!... Каждая новая открытая школа, каждая верста новаго пути, каждая напечатанная книга или номеръ газеты подрываетъ вліяніе и силу англійскаго господства. Но сами же англичане обречены открывать школы, печатать книги, проводить дороги. Созданіе демократическаго индійскаго представительства—не за горами, принципъ свободы дверей въ Индіи неустранимъ. А тутъ еще громадное вліяніе русской революціи, провозгласившей и осуществившей принципъ права націй на самоопредѣленіе... Господство надъ Индіей превращается въ словесность, которая, раздражая другія державы — Америку, Японію, — реальныхъ выгодъ не даетъ никакихъ. И развѣ можетъ быть сомнѣніе, что ближайшіе годы принесутъ значительныя измѣненія: съ индусами придется искать соглашенія, и едва ли оно будетъ построено на началахъ иныхъ, чѣмъ намѣчающееся соглашеніе съ Египтомъ, по которому Великобританіи на другой день послѣ побѣды надъ полуміромъ приходится отказаться отъ протектората и признать полную суверенность страны, имѣющей чрезвычайную стратегическую и политическую важность для «владычицы морей».

Съ переходомъ отъ господства надъ народами къ соглашенію съ ними, съ эволюціей отъ насильственной имперіи къ свободному союзу — заставляютъ то.

ропиться внѣшнія трудности и осложненія. На Дальнемъ Востокѣ, оставленномъ безъ вниманія въ виду великой войны, необычно усилилась осторожная Японія, особенно въ виду разрухи въ Россіи,—и тутъ предъ англійскими дѣятелями, быть можетъ, впервые, является мысль, что распадъ и ослабленіе Россіи — не только благо. Фактическая противоположность интересовъ съ Франціей достигаетъ временами такого обостренія, какого Англія не имѣла наканунѣ войны съ Германіей. Въ Америкѣ, въ особенности въ связи съ переговорами относительно нефтеносныхъ районовъ и морскихъ кабелей, все громче рѣчи о «міровомъ засиліи» англичанъ, и англійскіе наблюдатели утверждаютъ, что подчасъ въ Соединенныхъ Штатахъ недружелюбіе къ англичанамъ доходитъ до степени не меньшей, чѣмъ было во время войны къ нѣмцамъ. И это не только мимолетныя настроенія: это превращается въ направленіе политики. Америка начинаетъ серьезно вооружаться, во всякомъ случаѣ на морѣ. И, начавъ войну изъ-за того, чтобы не имѣть соперниковъ на морѣ, Англія теперь, въ результатѣ блестящаго окончанія войны, видитъ передъ собой перспективу: или отказаться отъ своего гордаго лозунга, что основой англійскаго могущества является ея господство на моряхъ, или же вступить въ совершенно безнадежное для нея соревнованіе въ морскихъ вооруженіяхъ съ Америкой, гдѣ уже провозглашается принципъ, что американскій флотъ долженъ быть равенъ «any two», флоту любыхъ двухъ державъ, взятыхъ вмѣстѣ. И нынѣ можно сказать: не на дѣйствительномъ могуществѣ, не на реальномъ соотношеніи силъ, не на безспорномъ преобладаніи, а лишь на традиціи и инерціи и дипломатической изворотливости покоится сложное зданіе великобританской политической системы.

Значитъ, хаосъ, — подхватятъ пессимисты. Значитъ, «гибель Западной Культуры», «Сумерки Европы», склоняющейся къ закату, чтобы дать мѣсто новому, свѣжему и молодому?

Несомнѣнно, угрожающими симптомами полна современная жизнь. Въ злорадно-пессимистическомъ предсказаніи Ленина: «Европа умѣетъ воевать, но она не сумѣетъ кончить войны», имѣется тревожащая доля правды. И съ каждымъ днемъ яснѣе: или европейская культура сумѣетъ отрѣшиться отъ своей старой политики, или же она погибнетъ отъ нея!

Нужно и можно имѣть вѣру въ первое. Европейская культура стремится превратиться во всечеловѣческую и имѣетъ всѣ данныя для этого. Ея техника, ея моральная философія, ея міропониманіе и міроощущеніе наиболѣе полезны для человѣка, наиболѣе расширяютъ силу его духа и тѣла. Кого могутъ убѣдить разсужденія объ отсутствіи права европейской культуры претендовать на общечеловѣческое значеніе, тому можно посовѣтовать прочесть описаніе полета на аэропланѣ изъ Лондона въ Австралію черезъ Францію, Италію, Грецію, Египетъ, Палестину, Сирію, Месопотамію, Персію, Индію, Индо-Китай и Зондскія острова, посмотрѣть на фотографіи городовъ Азіи, снятыхъ съ высоты птичьяго полета, фотографіи толпъ туземцевъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривающихъ птицу-человѣка, залетѣвшаго пролетомъ къ нимъ, — тутъ наглядно видно, что та связь, тотъ матеріальный порядокъ, то господство надъ природой и пространствомъ, которое несетъ европейское мышленіе, не можетъ не стать общечеловѣческимъ. И не въ

сторону пассивнаго философскаго созерцанія пойдетъ развитіе таинственной Индіи, а въ сторону роста желѣзныхъ дорогъ, устройства фабрикъ, всеобщей грамотности, газетъ, книгъ и журналовъ. Не въ сторонѣ своей самобытности, унаслѣдованной отъ татаръ и благопріобрѣтенной отъ побоевъ своей собственной власти, лежитъ будущій прогрессъ Россіи, а въ сторонѣ западнаго народовластія, замледѣлія Либиха и воздушныхъ сообщеній. Углубленное пониманіе природы, вычисленія Эйнштейна, изобрѣтенія Маркони и Попова, пониманіе ритма и такта природы Менделѣева, открытія чудесныхъ свойствъ вещества Кюри — вотъ что вдохновляетъ современнаго человѣка, а не самодовольное, упрямое созерцаніе своихъ самобытныхъ особенностей. Въ Индіи и Египтѣ слабѣютъ политическія вліянія англичанъ, но растетъ вліяніе Европы, воскрешающее къ молодости и жизни, казалось, навѣки одряхлѣвшія націи. Китай и Японія насыщены Европой, и прежде, чѣмъ предсказанія о «желтой опасности» сбылись хоть въ единой детали, Европа проложила себѣ путь въ святая святыхъ недавно таинственныхъ странъ и покоряетъ ихъ, одерживая одну побѣду за другой. Словомъ, въ европейской культурѣ столько духовныхъ и матеріальныхъ творческихъ силъ, столько молодости, бодрости, задора и широты, столько чудесъ и волшебствъ, что нѣтъ ей соперника, нѣтъ ей противника — кромѣ нея самой. Единственная опасность, грозящая ей, заключается въ томъ, что разрушительность культуры, которая сказалась въ Европѣ, будетъ перенесена на весь міръ.

•

Возможность новаго пути для политики не исключена. Прошлое даетъ намъ примѣры чрезвы-

чайно мудраго и осторожнаго пользованія плодами побѣды: та же Южная Африка, недавно покоренная силой оружія, а нынѣ уже имѣющая возможность въ конституціонныхъ формахъ ставить вопросъ о своемъ полномъ отдѣленіи отъ Англіи, является показателемъ новыхъ взаимоотношеній между народами. Настоящее тоже показываетъ, что не только идеи націонализма и эгоизма господствуютъ среди побѣдителей: Версальскій миръ служитъ яркимъ доказательствомъ тому.

Утвержденіе это способно вызвать во всѣхъ живущихъ на востокъ отъ Рейна изумленіе и даже негодованіе. Здѣсь привыкли смотрѣть на этотъ документъ, какъ на выраженіе самаго узкаго и слѣпого имперіализма. Но не станемъ такъ поддаваться тону политической и дипломатической полемики: для оцѣнки этого замѣчательнаго, хотя пестраго и неровнаго, созданія нашей эпохи, нужно нѣсколько больше трезвости и ясности, чѣмъ мы обычно встрѣчаемъ въ дипломатическихъ нотахъ и передовыхъ статьяхъ.

Худо ли, хорошо ли, но Версальскій договоръ, созданный въ условіяхъ небывалой побѣды, отдавшій въ руки союзниковъ весь земной шаръ, начинается съ постановленій о Лигѣ народовъ міра. Съ точки зрѣнія полемики, это — фиговый листокъ для прикрытія духовной наготы и неприглядности союзниковъ, это — орудіе порабощенія міра, закутанное въ лицемѣрную форму братства народовъ. Но съ точки зрѣнія безпристрастной исторіи — это громадный шагъ человѣчества впередъ: вѣдь десять лѣтъ тому назадъ созданіе органа, объединяющаго всѣ народы земли, казалось мечтой и утопіей: тутъ же мечта получила отчетливый,

осязательный видъ. Конечно, лига народовъ въ современномъ видѣ полна недостатковъ. Но зато мы видимъ, что передъ нею стоитъ выборъ: или распасться и сойти на нѣтъ, или найти такую линію своего дальнѣйшаго развитія, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ чувствъ и надеждъ всего человѣчества, обезпечивая всѣмъ народамъ равное и достойное мѣсто. Вторая возможность не исключена: формы лиги народовъ гибки, и въ нихъ можетъ быть влито любое содержаніе. Вхожденіе Германіи и Россіи, которое, конечно, не устранимо и не заставитъ себя долго ждать, вольетъ новую жизнь и новый смыслъ въ эту еще неокрѣпшую организацію. Наше грядущее полно заботъ и тревогъ, и въ минуту новыхъ предстоящихъ дипломатическихъ бурь и штормовъ — мысль современнаго человѣчества еще не разъ вернется къ лигѣ народовъ міра и заставитъ ее быть не только украшеніемъ колесницы побѣдителя, на и дѣйствительнымъ факторомъ вселенскаго мира и прогресса. Лигу народовъ бранятъ лишь потому, что слишкомъ многаго вынуждены отъ нея ждать.

Значеніе лиги народовъ скажется лишь впослѣдствіи. Но въ томъ же Версальскомъ договорѣ имѣются постановленія, которыя играютъ громадную роль уже въ настоящее время, — а именно, его постановленія относительно границъ. Принципіально — опять-таки въ первый разъ за всю человѣческую исторію — Версальскій договоръ призналъ, что границы государствъ опредѣляются волей самого населенія. Голосованіе въ Западной Пруссіи, въ Шлезвигѣ, въ пограничныхъ областяхъ Бельгіи, въ Верхней Силезіи показало, что самоопредѣленіе народовъ перестало быть только фразой. Постановленіе о томъ, что въ предстоящемъ голосованіи

относительно судьбы Саарской области будутъ принимать участіе только тѣ жители, которые тамъ находились до 1914 года — постановленіе, почти рѣшающее въ пользу Германіи вопросъ относительно клочка земли, весьма важнаго для Франціи — само по себѣ стоитъ договора о лигѣ народовъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ относительно границъ все полно чрезвычайной умѣренности, сдержанности и дальновидности. Границы, опредѣляемыя обнаженнымъ мечомъ, всегда могутъ быть оспариваемы. Но кто можетъ оспаривать современную границу Германіи съ Даніей, съ Франціей или даже съ Польшей? Здѣсь Версальскій договоръ ищетъ себѣ опоры не въ полчищахъ вооруженныхъ солдатъ, не въ караванахъ танковъ, а въ горсточкахъ мѣстныхъ жителей, и тѣмъ самымъ онъ сталъ несокрушимъ. Этимъ Версальскій договоръ становится значительнымъ документомъ современности, отражающимъ и воплощающимъ основные принципы нашей эпохи: воля побѣдителей міра признала себя не въ правѣ распорядиться судьбой двухъ-трехъ уѣздовъ въ Пруссіи или нѣсколькими десятками квадратныхъ километровъ Саарской области: воля эта покорно склоняется передъ желаніемъ первобытныхъ мазуровъ, передъ горсточкой покрытыхъ угольной пылью шахтеровъ! Какой сокрушительный урокъ для Рорбаховъ и Милюковыхъ!

Но, конечно, въ духѣ и смыслѣ постановленій Версаля, особенно въ его суровыхъ экономическахъ рѣшеніяхъ, и грубомъ, унизительномъ способѣ ихъ проведенія — цѣлая груда несовершенствъ, недостатковъ и даже прямыхъ преступленій. Но и тутъ не забудемъ того, что самая яркая, красочная и убѣдительная критика его дана въ лагерѣ побѣдите-

лей, а не побѣжденныхъ. Ни одинъ политическій германскій документъ не производитъ и малой доли того впечатлѣнія, какъ книга англичанина Кейнеса, само появленіе которой и ошеломительный успѣхъ и вліяніе свидѣтельствуютъ уже о своеобразіи и знаменательности нашей эпохи. И, обнимая взорами всю пеструю груду фактовъ и явленій міровой политики, невольно начинаешь вѣрить не только въ возможность, но даже въ необходимость новыхъ взаимоотношеній въ человѣчествѣ. Все построенное на враждѣ и насиліи рушится. Остается лишь то, что построено на солидарности и свободѣ. Невольно начинаетъ казаться — дайте срокъ, пусть разсѣется угаръ ожесточенія, пусть уляжется раздраженіе, и создатели Версальскаго договора своими же руками первые устранятъ недостатки его. Неужели Англія, считающаяся съ кучкой египетскихъ націоналистовъ, можетъ вѣрить, что германскій народъ до третьяго поколѣнія согласится быть покорнымъ данникомъ союзниковъ? Неужели Франція, страна культуры и свободы, захочетъ десятилѣтія играть неблагодарную роль жандарма Европы?

Такимъ образомъ, если союзники опредѣлили свои взаимоотношенія въ формѣ Лиги народовъ міра, если Россія и Германія волей или неволей должны вливать свое сотрудничество въ подобныя же рамки, то все же нѣтъ никакихъ основаній противополагать эти два комплекса человѣчества другъ другу: ихъ нужно только сочетать. И въ одномъ лишь отношеніи законна ихъ борьба и соревнованіе: чей вкладъ во вселенскую лигу народовъ будетъ крупнѣе, чье объединеніе устойчивѣе, тверже и современнѣе, чтобы служить центральной осью и міровымъ рычагомъ.

Формально самые крупные шансы на преобладаніе и лидерство въ этой борьбѣ, въ этомъ грандіозномъ соревнованіи за новое устройство Европы и всего міра имѣетъ, конечно, англосаксонскій міръ. Съ точки зрѣнія цифры, по количеству жителей подвластныхъ народовъ, по площади владѣній, по силѣ международныхъ вліяній и дипломатическихъ возможностей, по совершенству навыковъ и гибкости политики (Англія) и по ея свѣжести и непосредственности (Соединенные Штаты) англо-саксонскій міръ соперниковъ не знаетъ. — Но имѣется и обратная сторона. Англійская политика при всей ея гибкости, все же вынуждена всѣмъ своимъ положеніемъ быть тормозящей силой. Интересы Британской имперіи диктуютъ ей необходимость уступокъ современному времени, но по существу противоположны имъ. И когда Канада, Австралія, Ирландія, Индія, Египетъ ведутъ борьбу съ англійскимъ господствомъ, то можно быть увѣреннымъ, что Англія сумѣетъ во-время и мудро уступить, но никогда нельзя ожидать, чтобы Англія сама встала во главѣ подобнаго движенія. Точно такъ же американскій политическій аппаратъ, прекрасно приспособленный для внутреннихъ отношеній, слишкомъ немощенъ для энергичной и планомѣрной международной политики, чему исключительно характерный примѣръ: судьба «Вильсонизма» отъ знаменитыхъ 14-ти пунктовъ до подписи подъ Версальскимъ договоромъ. И эта немощность не случайна: она кроется во всей соціальной структурѣ американскаго политическаго организма.

Иначе въ Россіи и Германіи. Россія и Германія уже потеряли всѣ свои «Индіи», «Египты» и «Ирландіи», болѣе того, онѣ при этомъ растеряли значительныя чисто русскія и нѣмецкія области. И

Россія и Германія въ будущемъ вынуждены будутъ бороться за такіе свои интересы, которые совпадаютъ съ интересами громаднаго большинства человѣчества. Собственные интересы этихъ двухъ великихъ странъ заставляютъ ихъ встать во главѣ мірового всеосвобождающаго реформаторскаго движенія современности. Идея Лиги народовъ міра, космополитизмъ хозяйственныхъ отношеній, равенство народовъ подъ солнцемъ — все это для Россіи средство вернуть себѣ доступъ къ Черному и Балтійскому морямъ, обезпечить свое положеніе на берегахъ Тихаго Океана, вернуть утраченныя области съ русскимъ населеніемъ, а для Германіи — средство слить нѣмецкую націю воедино, открыть свободный путь въ просторный міръ, вернуть возможность работы въ прежнихъ владѣніяхъ и, прежде всего, избавиться отъ экономическаго рабства западнымъ сосѣдямъ...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Задачи, стоящія передъ современнымъ поколѣніемъ, громадны. Выполненіе ихъ ждетъ соотвѣтствующихъ людей. Какъ Людендорфы, Фоши, Гинденбурги нашлись въ нужную минуту и сдѣлали свои дѣла, такъ теперь должны найтись организаторы мирныхъ достиженій и созидательныхъ побѣдъ. Мы имѣли чрезвычайно яркихъ представителей національной узости и исключительности. Бисмаркъ и Вильгельмъ въ Германіи, Тисса въ Венгріи, Милюковъ въ Россіи, Дмовскій въ Польшѣ, Ллойдъ Джорджъ въ Англіи, Клемансо во Франціи — все это замѣчательныя, живописныя фигуры, это герои, которые, несомнѣнно, могутъ быть поставлены наряду съ другими національными героями античнаго и новаго міра. Но намъ теперь уже слишкомъ ясно, что ихъ «здоровый» эгоизмъ является несчастіемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они внѣшне торжествуютъ, и нынѣ они могутъ заводить человѣчество только въ тупикъ, въ которомъ вотъ уже три года безпомощно топчется весь культурный міръ.

Нужны новые герои — герои творчества и солидарности. Упорные, ни передъ чѣмъ не останавливающіеся, преодолѣвающіе всѣ препятствія — люди

борьбы въ полномъ смыслѣ этого слова. Величіе нашей эпохи, потребности нашей жизни, интересы народовъ, реальныя заботы отдѣльныхъ людей и, наконецъ, нравственное сознаніе современнаго человѣка настойчиво вызываютъ къ появленію такихъ людей. И они уже появляются. *Вильсонъ* пытался итти по новому пути: онъ ли оказался слишкомъ слабымъ, или препятствія были слишкомъ велики, все равно, исторія не забудетъ трагически неудачныхъ, но все же благородныхъ усилій его. Неутомимый норвежецъ *Нансенъ*, чувствовавшій себя уютно среди полярныхъ медвѣдей, испытываетъ озабоченность среди современныхъ людей и настойчиво ищетъ новаго пути. *Барбюсъ* пытается начать крестовый походъ противъ человѣческаго одичанія. *Рабиндранатъ Тагоръ* изъ далекой Индіи шлетъ призывъ къ солидарности и космополитизму. Но ихъ такъ мало. Новые люди должны притти.

•

Особенно благопріятны для появленія людей новой политики Россія и Германія.

Въ Россіи высшіе классы теперь сметены. Ихъ физическіе осколки, ихъ духовное наслѣдіе, ихъ предразсудки, ихъ политическія суевѣрія уже не опасны. Даже если кому-либо изъ нихъ удастся вернуться къ руководящей роли, то все же наука послѣднихъ лѣтъ заставитъ ихъ быть осмотрительнѣе: можно ручаться, что новое поколѣніе русскихъ политиковъ будетъ тяготѣть къ осторожности и миролюбію.

Тѣмъ болѣе, что рядомъ съ представителями прежнихъ господствующихъ классовъ, у власти,

какія бы формы ни приняла она, встанутъ и новые люди, новая бюрократія и новая буржуазія, вышедшая изъ народныхъ нѣдръ, крѣпкая, мозолистая, еще пропитанная запахомъ тѣсныхъ избъ, смѣтливая, но чуждая традицій и словесности прежней русской государственности. Она придетъ съ запасомъ идей, совершенно не похожихъ на тѣ, которыми увлекались прежніе верхи. Настроенія Толстого, перемѣшанныя съ идеями о солидарности народовъ, напоенныя жаждой спокойнаго пользованія тѣми новыми возможностями, которыя передъ ними открыли политическая и соціальная революція — вотъ духовная атмосфера новой, крестьянской, свободной Россіи. Задачей русской интеллигенціи явится оформить эти настроенія, отчеканить ихъ.

Это не значитъ, что Россія въ началѣ не будетъ имѣть своей иностранной политики. Въ Россіи нельзя будетъ отговариваться: вотъ сперва устроимъ свои собственныя дѣла, а потомъ начнемъ думать о сосѣдяхъ. Сама Россія устроиться не можетъ, ибо какъ разъ на первыхъ порахъ ей будетъ слишкомъ нужна помощь отъ другихъ, отъ всего міра. И, кромѣ того, рядъ вопросовъ, традиціонно считающихся внутренними, по существу имѣютъ международный характеръ. Всѣмъ набила оскомину традиціонная формула: «Единая и свободная Россія»... Но если вдуматься въ эту формулу и ясно представить тѣ условія, которыя позволятъ сочетать единство Россіи со свободой народовъ, то мы придемъ къ формулѣ, имѣющей значеніе не только для отношеній между украинцами и великороссами, но и для отношеній всѣхъ народовъ міра вообще. Недаромъ даже начали говорить о лигѣ народовъ Россіи. Но спрашивается, почему лига народовъ только Россіи? Арменія, Украина, Польша, Литва,

какъ объединенные народы, выводятъ ее изъ границъ прежняго россійскаго государства. И какъ далеко пойдутъ эти связи? Какъ отчеканить формулу единенія, чтобы она имѣла значеніе только для верховьевъ Тигра и Евфрата, но не годилась уже для низовьевъ этихъ рѣкъ? Чтобы она была дѣйственной по сю сторону Карпатъ, и безсильной по ту сторону цѣпи горъ? И въ этомъ отношеніи инстинктъ массъ былъ чутокъ и точенъ, когда подсказалъ толпѣ политическихъ дѣятелей, безтолково сновавшихъ въ первые дни революціи въ Таврическомъ дворцѣ, слова дружелюбія ко всѣмъ народамъ міра: свобода Россіи не совмѣстима съ международной борьбой. Манифестъ ко всѣмъ народамъ міра далъ внѣшне-торжественную форму этому чувству. Теперь этотъ документъ для многихъ является символомъ измѣны и развала. Но дайте срокъ — исторія по иному оцѣнитъ его. Онъ уже оказался устойчивѣе Брестскаго мира. Развѣ могутъ быть сомнѣнія, что онъ переживетъ и Версальскій трактатъ? Русскій народъ, всѣмъ существомъ ощущавшій неправду насильственной государственности и въ беззаботности примитивной человѣчности воткнувшій штыкъ въ землю передъ лицомъ вооруженнаго до зубовъ врага, — оказался болѣе правымъ, чѣмъ западный міръ, приспособившій къ себѣ старую государственность, но зато и самъ духовно слишкомъ приспособившійся къ ней. Какъ ни какъ, лишь одна Россія изъ необычной войны нашла хотя и ужасный, но все же достойный по своей необычайности выходъ. Она сумѣла оказаться одновременно и побѣжденной и побѣдительницей, сдаться разгромленной Германіи и отстоять свою независимость и самобытность передъ владыками міра. И кто знаетъ, въ лохмотьяхъ, израненная, опален-

ная страшнымъ внутреннимъ огнемъ, не указываетъ ли Россія міру, какъ живой горящій факелъ, путь къ дѣйствительному окончанію соперничества и вражды!

*

Россія сказала свое слово. Но она долго не получала отвѣта. Германскій народъ на протянутую руку отвѣтилъ сперва Брестскимъ миромъ. Союзники отвѣтили миромъ Версальскимъ, который въ будущемъ можетъ быть такъ же направленъ противъ Россіи, какъ нынѣ онъ направленъ противъ Германіи. Но этимъ отвѣтъ не можетъ ограничиваться. Слово опять за Германіей. И уже видится, что реальные интересы заставятъ ее начать отвѣчать по иному.

По существу, если глядѣть съ достаточной исторической перспективы, то можно сказать, что при окончаніи войны германскій народъ тоже, повинуясь стихійному зову человѣческихъ массъ Россіи, воткнулъ въ землю штыкъ. Пора съ полной убѣжденностью сказать: Германія могла бы дальше вести войну, если бы она хотѣла. Если всякое толкованіе историческихъ событій современниками произвольно, то почему же намъ не принять наиболѣе утѣшительную гипотезу, особенно если ее можно подкрѣпить непререкаемымъ авторитетомъ германскаго военнаго вождя, признавшаго, что русская революція «погубила» Германію. Нѣмецкая общественная мысль еще не признала этого факта, упорно считаетъ болѣе полезнымъ вѣрить, что не идеи человѣчности, а сила американскихъ танковъ сломила сопротивленіе германскихъ солдатъ. Но время не ушло. Пора осознать, осмыслить и оправ-

дать народъ, бросившій оружіе и воткнувшій въ землю штыкъ. Только на пути такого духовнаго подхода къ событіямъ передъ Германіей открываются новыя перспективы, достойныя ея гигантскихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ.

Традиціонная политика ставитъ передъ Германіей заманчивыя перспективы: или превратиться со всѣмъ своимъ государственнымъ аппаратомъ, со всей своей организаціей, со всѣми своими творческими силами въ институтъ для ликвидаціи неоплатныхъ военныхъ долговъ, въ привѣсокъ къ dette publique allemande, или же рѣшиться на активную политику въ прежнемъ смыслѣ слова, на вооруженія, на нагроможденіе взрывчатыхъ веществъ, удушливыхъ газовъ, пушекъ, снарядовъ и бомбъ, для того, чтобы снова рискнуть на борьбу, которая не можетъ улучшить, но зато можетъ значительно ухудшить положеніе страны.

Альтернатива нелѣпая. Но такъ какъ старая политика новыхъ перспективъ не даетъ, то Германія всей силой своего генія, всѣмъ напряженіемъ своей организованности вынуждена искать иного пути. Путь этотъ — международная солидарность. Если на западѣ иниціатива Германіи еще не возможна, то востокъ, теперь разрушенный и истощенный, ждетъ отъ нея соотвѣтствующихъ настроеній, твердыхъ, увѣренныхъ и бодрыхъ словъ. Не затаенная злоба, не мысли о реваншѣ, не отчаянная безнадежность и не злорадство, а новая, по новому ведущаяся, борьба... На разрушительные удары съ запада, продиктованные запоздалой, но скоропреходящей враждой, самый достойный и цѣлесообразный отвѣтъ — творческіе и созидательные планы на востокѣ, идущіе въ унисонъ съ духов-

ной жаждой русскаго народа къ новому смыслу и типу отношеній народовъ между собой.

Въ хаосѣ русской жизни родилось спасительное чувство, мысль и слово. Организованности и силѣ Германіи судьба даетъ возможность оформить эти настроенія, отчеканить и методически осуществить.

СОДЕРЖАНІЕ: